

**Сборник слов и бесед «Падение Адамово»
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Слово в Неделю сыропустную, огласительное

Если когда, братие мои, довлело бы нам начать беседу с вами не словами, а воздыханием и слезами, то в настоящий день, когда Святая Церковь воспоминает и оплакивает злополучное грехопадение прародителей наших, а в лице их – и всего рода человеческого, следовательно, каждого из нас.

Падение Адамово!.. Когда произносишь слова сии, то кажется, весь мир восстает против тебя: со всех сторон несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слез, нами пролитых; все злое и преступное – в прошедшем, настоящем и будущем – является налицо и требует за себя ответа; небо и земля, солнце и звезды, растения и животные идут на суд против тебя и говорят: ты лишил нас первобытного совершенства!

В самом деле, братие мои, не это ли злополучное грехопадение прародителей наших низринуло с высоты богоподобия и блаженства и повергло в прах и тление весь род человеческий? Не оно ли помрачило благолепие и возмутило порядок всей видимой вселенной, изменило первоначальное определение о нас Творца, лишило все твари земные их совершенства первобытного и сделало, наконец, необходимым то, что *земля и все, яже на ней дела (2Пет. 3:10)*, должны некогда сгореть, *солнце и луна – померкнуть, звезды, яко листвие спадут с небесе*, и самые *Силы Небесныя подвигнутся? (Мф.24:29)*. Не оно ли, наконец, нарушило в некоем отношении величественный покой седьмого дня для Самого Творца, побудило Всемогущего к новым чудесам любви и премудрости и как бы к новому творению, заставило Сына Божия сойти с неба на землю, облечься бедной плотию человеческой, претерпеть уничижение и муку, и умереть за нас на Кресте? Ужасно было падение ангелов; но грехопадение человека, по его злополучным последствиям для всего мира, могло быть еще ужаснее, если бы в безднах премудрости и любви Божией не обрелось средства восставить нас от падения.

Но как ни злополучно было падение в раю Адама, оно в то же время есть мое собственное падение. Напрасно хотел бы я разлучиться на сей раз с прародителем моим: союз природы связует меня неразрывно. Напрасно, произойдя на свет после многих поколений, хотел бы я потому усомниться в моем участии во грехе едемском: казнь, мною несомая, непрестанно напоминает мне о нем.

Какая казнь?.. Увы, самый вопрос сей обнаруживает уже крайнюю

глубину нашего падения!.. Значит, мы пали в такую пропасть, что уже не видим более той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были некогда Творческой десницей, так оглушены падением, что не чувствуем даже боли от него происшедшей, и не замечаем той бездны, в коей находимся.

Какая казнь?.. А разве награда, что все мы приходим на свет сей самым плачевным образом: с воплем оставляем утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лице земли, и среди воплей расторгаем утробу земли, дабы сокрыть в ней свое тление от среды живых?

Какая казнь?.. А разве награда, что большая часть из нас, созданных по образу Божию и, видимо, предназначенных к господству над всем нас окружающим, принуждены теперь влачить всю жизнь свою в узах рабства духовного и телесного, бороться непрестанно со всякого рода нуждами и скорбями, искупать едва не каждый день бытия потом и слезами?

Какая казнь?.. А разве награда, что люди-братья терзают нередко, как тигры, друг друга, что целые племена и царства должны непрестанно стоять одно против другого на страже и не знать (более – ред.) высшего искусства, как отражать и поражать людей, себе подобных?

Какая казнь?.. А что в сердце у каждого из нас? Непрестанная борьба добра со злом, духа с плотью, ума и совести со страстями, – и где победа? Большею частью, на стороне греха и плоти: *не еже бо хошу (доброе), сие творю, но еже ненавижду (злое), то соделоваю... Еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю (Рим. 7:15, 18)*, – так жалуются на себя самые лучшие из людей! Что же должны сказать худшие?..

Увы, куда ни обращаюсь, везде вижу следы моего падения: вижу и в разрушительной для меня борьбе бездушных стихий, и в некоем постоянном враждовании против меня существ одушевленных; вижу и в грозных явлениях надо мною неба, и в бесплодии возделываемой мною земли; вижу и в брэнности моего ума, и в ломкости моих произведений; вижу и в силе страстей человеческих, и в бессилии законов человеческих, и в недостатке веры и в избытке сомнений; вижу в хижине и на престоле, у алтаря и плуга, в минуту радости и печали, наяву и в самом сне... Тяжко, тяжело *иго на всех сынех Адамлих! (Сир. 40:1–2)*. Ужасна работа Нетлению, от коей стенает *вся тварь! (Рим. 8:22)*.

Кто же виной сего? Откуда и как возникло зло, облажающее меня и весь мир со мной? Не у Творца ли моего не достало, быть может, сил и средств создать меня чистым и праведным, бессмертным и блаженным? Но один простой взгляд на необъятность мира, на порядок и красоту вселенной уже

ясно показывает, что десница, меня созидавшая, была всемогуща и всеблага, ибо ею не забыто и снабжено всем нужным самое малое творение. А я, между тем, томлюсь и стражду; стражду так, что сам по себе не вижу конца моим страданиям... Не я ли сам потому и виной сего? Во мне есть и теперь способность, по коей могу я усовершенствовать свое состояние или превращать (извращать – ред.) его и губить себя. Это моя свобода!.. В ней же, по этому самому, в ней должна быть причина и моего бедственного состояния на земле. Была некогда, была злополучная минута, в которую я, злоупотребив произволом своим, разорвал нагло первобытный союз, соединявший меня и весь мир с Источником истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, в которую я ринулся безумно с высоты природных совершенств моих и увлек за собою в бездну зла тварь, мне подчиненную.

Когда и как последовало это несчастное падение? Напрасно стал бы я вопрошать о сем природу, меня окружающую: она в этом случае безмолвна, как поле после сражения, на нем происходившего. Везде видны следы поражения; слышны даже отголоски стона и воплей; но кто и как сражался? – неизвестно. Одно заключаю из всего видимого в природе: что все это бедствие должно было произойти и не так давно, чтобы совершенно забыть его, и не так недавно, чтобы можно было сохранить о нем ясную память. Обращаюсь к истории и древнейшим преданиям рода человеческого. Тут со всех концов вселенной слышу, что род человеческий был не таков, как видим его ныне; что на земле не было тех зол и бедствий, от коих страдает теперь все живущее; что настоящий порядок или, паче (точнее – ред.), беспорядок вещей есть следствие грехопадения первых человеков. Но когда, не довольствуясь сим, любопытствую знать, каким именно образом последовало мое падение, то нахожу в древних преданиях столько разнообразия, противоречий и мрака, что не знаю, на чем остановиться; не вижу, где конец истинному свидетельству, и откуда начинается вымысел. Одно боговдохновенное бытописание Моисея, как лучезарный светильник среди моря, возвышается над мутными волнами древних сказаний и тьмой, покрывающей первобытное состояние рода человеческого. Несмотря на краткость сего бытописания, в нем столько света, что все главные вопросы о происхождении зла в нашем мире разрешаются из него столь же разумно, как и благочестиво.

Сию-то священную повесть о грехопадении прародителей наших намерены мы, братие мои, повторить и рассмотреть вместе с вами в наступающие дни святого и Великого поста. Нерадостная картина ожидает нас! И пред нами, как некогда пред пророком, раскроется свиток, в коем

вписаны *рыдание и жалость и горе (Иез. 2:10)*. Узрим змия с его ужасной клеветой – приемлемого, а Творца и Благодетеля с Его святой заповедью – отвергнутого; узрим праматерь всех живущих, легкомысленно простирающую руку к плоду запрещенному и за сие осуждаемую в болезнях родити чада; узрим прародителя нашего, убегающего от лица Божия, слагающего вину на Самого Создателя и за сие подвергаемого на всю жизнь труду в поте лица, с возвращением на конец в землю, *от нее же взят бысть*; узрим обоих стыдящимися своей наготы, а не греха, от коего нагота и смерть, изгоняемых из рая сладости и влачащих остаток бедственной жизни среди проклятия всей земли; узрим, наконец, Херувима с пламенным оружием, поставленного у врат рая и стрегущего путь к древу жизни, навсегда потерянного для тех, кои не умели пользоваться плодами его. Но в то же время услышим ужасный приговор и врагу нашему, увлекшему нас в преступление; приговор, показывающий, что за нас есть Отмститель, что мы не беззащитны; услышим радостотворное обетование о Семени Жены, имеющем сокрушить главу змия, то обетование, в коем, как древо в семени, заключена вся тайна нашего спасения. Таким образом, свиток первобытия нашего, хотя в нем вписаны рыдание, жалость и горе, будет наконец, подобно свитку Иезекиилеву, сладок в устах наших и сможет напитать нас пищей нетленной. Ибо учение слова Божия о падении Адамовом, кроме того что изъясняет нам тайну настоящего бытия нашего на земле, указывает начало и причину ничем иначе неизъяснимых бедствий и страданий наших, и тем самым примиряет нас с тяжелой судьбой своей и удерживает от ропота и хулы на Провидение. Это же учение служит основанием тому животворному Благовестию, которое составляет сущность веры христианской, то есть учению об искуплении нас Сыном Божиим, Который для того и облекся в плоть нашу, да победит врага нашего и упразднит все следствия грехопадения Едемского. Чтобы восчувствовать в полной мере цену сего Божественного искупления, для этого надобно прежде познать всю величину зол, нас сокрушающих. Второй Адам, Иже есть *Господь с небесе (1Кор.15:47)*, является во всем Божественном величии не прежде, как первый Адам, иже *от земли*, прародитель наш, предстанет нам во всем своем уничижении и клятве.

Для сего-то, без сомнения, и Святая Церковь, общая наша мать и наставница, ныне, пред самым вступлением нашим в Святой пост, приводит нам на память не другое какое-либо событие, а падение Адамово. Сим самым она как бы так говорит каждому из нас: если ты сын Адамов, то, кто бы ни был, ты существо падшее; тебе нужно восстать из

бездны, уврачевать все разбитое в падении и начать восходить на прежнюю высоту и совершенство посредством Таинства Покаяния и Причащения Животворящего Тела и Крови Христовой. Для сей же самой цели, то есть чтобы произвести в нас сознание своего греховного беспомощного состояния и расположить всех и каждого к смирению, вере и усердной молитве о помощи свыше, – в продолжение будущих дней поста Святая Церковь не престанет ежедневно оглашать слух наш чтением из бытописания Моисеева. Итак, занимаясь избранным нами предметом, мы будем идти по следам Святой Церкви, проповедывать то же самое, что внушается ею.

Воззовем же, братие мои, едиными усты и единым сердцем ко Господу, да, внушив некогда возлюбленному рабу своему Моисею начертать для нас святую повесть о грехопадении прародителей наших, дарует и нам, недостойным рабам своим, благодать воспользоваться ею, как должно, уразуметь из нее всю бедность нашей падшей природы, познать греховное окаянство свое, дабы потом с верой и смирением обратиться к Тому, Кто един силен восставить все падшее и возвести нас, как обещает Святая Церковь, к первому нашему «достоянию с растворением», чего да достигнем все мы Его всемогущей благодатью. Аминь.

Слово в среду 1-й недели Великого поста. О заповеди в раю

Злополучное грехопадение прародителей наших в Едеме состояло, как известно, в преступлении заповеди Божией о невкушении от плода запрещенного. Посему, прежде нежели приступим к рассмотрению сего злосчастливого события, подобает обратить внимание на сию заповедь и показать, в чем именно состояла она и для чего дана. Должно вникнуть в эту заповедь и потому, что касательно ее существует немало предрассудков и мнений, кои, кроме того, что ложны, служат к нареканию на святой Промысл Божий. Одни говорят: зачем было давать сию заповедь? Другие: для чего было не предохранить человека от ее преступления? Вопреки сему, мы должны показать, что заповедь была необходима, и что все, нужное к предохранению человека от нарушения ее, было сделано. Оставалось только разве связать свободу человека; но тогда добродетель потеряла бы всю цену, а человек – все свое нравственное достоинство.

Заповедь Едемская изображена у Моисея так: *И заповеда Господь Бог Адаму, глаголя: от всякого древа, еже в раи, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесите от него: а в оньже аще день снесите от него, смертию умрете (Быт. 2:16–17)*. Видите, в чем состояла заповедь? В том, чтобы не вкушать от плодов одного известного древа. Отсюда тотчас обнаруживается вся легкость заповеди к исполнению. Ибо что за трудность не вкушать от плодов одного древа, когда их в раю находились тысячи, и притом всякого рода? Прародители наши и без запрещения не успели еще, конечно, вкусить от плода многих древ райских; тем легче было воздержаться от плода запрещенного. Вообразить, что запрещенное дерево было по плодам своим самое лучшее из всех, нельзя: ибо самым лучшим, без сомнения, было древо жизни. Правда, что Еве запрещенное древо показалось потом добрым *в снесь, угодным очам – еже видети и красно... еже разумети (Быт. 3:6)*, – но оно показалось таким уже тогда, когда в несчастной прародительнице нашей, от льстивой беседы с нею змия-искусителя, возбуждено было в высшей степени любопытство и чувственное вожделение. В таком случае и обыкновенное само в себе кажется человеку отличным и привлекательным. Притом самые слова Евы, если вникнуть в них поглубже, выражают не столько похвалу отличным качествам древа, сколько некую как бы защиту от нарекания и презрения, то есть, что оно

показалось на глаза Евы не так отвратительным, чтобы уже не пожелать вкусить от него, не так безобразным, чтобы на него нельзя было посмотреть без неудовольствия, и не так, наконец, ничтожным, чтобы не полюбопытствовать, что в нем, и почему оно запрещено. Таким образом, с какой стороны ни смотреть на заповедь о древе, выходит одно и то же – что исполнить ее было крайне легко, и, следовательно, нарушить, вопреки явному повелению Божию, крайне постыдно и безумно.

Но что же значит после сего запрещение? Для чего не велено вкушать от сего древа? Вопрос важный, и мы должны рассмотреть его с надлежащей подробностью, дабы устранить все неправо мненья касательно сего предмета.

Очевидно, что древо запрещено не потому, якобы Сам Господь имел, так сказать, какую-либо нужду в этом запрещении, как будет клеветать змий-искуситель. Ибо какая могла быть в сем нужда для Господа? Чтобы через вкушение от плодов его Адам и Ева не получили новых совершенств и не сравнялись с Ним? Так именно будет утверждать змий; но что может быть нелепее сей мысли? Не говоря уже о том, что совершенно невозможно достигнуть не только богоподобия, но и другого какого-либо совершенства духовного от вкушения какого бы то ни было плода, – что препятствовало Господу не творить опасного для Него древа, если бы оно в самом деле было таково? или, сотворив, не помещать его в раю? Все это – и всецело – зависело от воли Самого Творца. Посему один только змий, или, прямее сказать, диавол, мог составить в своем уме такую нечестивую мысль, что древо запрещено было потому, якобы в сем запрещении имел нужду и выгоду сам Запрещавший. Это ложь и хула змииная!

Значит, древо запрещено ради пользы и нужды самих прародителей наших. Какой? Не заключалось ли в нем чего-либо смертоносного? Не были ль плоды его ядовиты? Подобная мысль представляется тотчас, коль скоро вспоминаешь об угрозе Божией прародителям, что за вкушением от древа должна последовать для них смерть. В таком случае самое запрещение представляется уже не только правильным, но и необходимым: ибо как не воспретить вкушения плодов ядовитых? Между тем, и сей мысли нельзя принять, несмотря на ее благовидность. Ибо, скажите, что бы подумали вы об отце, который, имея в своем саду такое ядовитое древо, употребил бы его для испытания в послушании своего сына? Не то ли, что он легкомысленно подвергает своего сына величайшей опасности? Ибо самым запрещением древа наводилось уже внимание на него, и, следовательно, приближалась к человеку опасность. Не будем же думать об Отце Небесном того, чего не можем предположить в разумном и

добром отце земном. Плоды запрещенного дерева произвели смерть в человеке; но они произвели ее не сами по себе, а потому, что вкушение от них составляло для человека преступление воли Божией, – грех всякое дерево сделал бы ядоносным для человека.

Можно и еще возыметь одну мысль касательно запрещения дерева – из самого его названия. Ибо как оно называется? Древом познания добра и зла. Не потому ли, следовательно, оно и запрещено, что вкушение от плодов его могло сообщить человеку какое-либо ведение, для него еще преждевременное и потому бесполезное? Но касательно сего довольно припомнить, что не в природе дерева сообщать какие-либо познания, равно как и не в свойстве познания сообщаться посредством вкушения чего-либо. Вкушение и яства суть дело уст и чрева, а познание есть дело ума и размышления. Спросят: отчего же дерево получило такое название? Всего вероятнее, от своих последствий для человека, то есть не от непосредственного свойства и действия его плодов, а оттого, что произошло в человеке после их вкушения: ибо прародители наши, действительно, познали тогда на опыте, что добро и что зло, узнали цену того блага, которое потеряно через преступление заповеди Божией, и силу того зла, о коем прежде не ведали и коему теперь за сие подверглись.

Почему же, наконец, запрещено оно? Потому что необходимо было воспретить что-либо для человека. Отчего необходимо? Для испытания его свободы и для упражнения воли его в покорности воле Божией. А это к чему? К тому, чтобы открылось, наконец, способен ли человек стоять на той высоте чести и достоинства, на которую он имел быть возведен по испытании. Изъяснимся подробнее.

Для чего создан и к чему предназначен был человек? К тому ли, чтоб быть обладателем и хранителем сада, насажденного в Едеме *на востоцех*? (Быт. 2:8). Если так, то для сего не стоило украшать будущего садовника таким великим и беспримерным отличием, каковы образ и подобие Самого Творца. Величественный образ сей требовал для себя не сада, а храма; пред ним должны были преклониться, со временем, не токмо древа Едемские с их плодами, а все твари, даже все стихии земные, с их чудным разнообразием. Нося в себе образ Божий, человек имел быть сам яко некий земной бог. Такое существо не могло иметь другого предназначения, как быть ближайшим наперсником своего Создателя, представлять Его собою видимо и служить органом и наместником Его для всех низших тварей, кои, по свойству природы своей и месту, ими занимаемому, не могут видеть своего Творца и беседовать с Ним лицом к лицу. Такому высокому предназначению должны соответствовать в человеке власть и

полномочие его над всеми видимыми тварями. Что мы, утверждая сие, водимся (руководствуемся – ред.) не воображением и догадками, а действительной истиной, – доказательство и порука за то деяния святых людей, кои, будучи воссозданы благодатью Христовой, «вообразившись», как выражается Святая Церковь, «первою добротой», единым словом останавливали солнце, бездны морские прелагали в сушу, угашали пламень огня, воскрешали мертвых. То же самое внушает и святой Павел, когда, обращаясь к верующим, как бы от лица Самого Христа взывает: *мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть: вы же Христовы, Христос же Божий* (1Кор. 3:22–23).

Если же так, то судите теперь – можно ли было новосозданного человека вдруг вознести на такую высоту и отдать в руки его столько могущества, не дав раскрыться предварительно в нем способности к тому и не доведши его, посредством испытания, до непоколебимой ничем верности в употреблении великих сил и преимуществ, его ожидавших? Хотя человек создан был невинным и самым естеством своим предрасположен к добру, но, по свободе своей, этому высочайшему дару, который составляет основание всех прочих совершенств духовных и паче всех их уподобляет человека Богу, по свободе, говорю, своей человек мог сделать из себя, что угодно: мог остаться во всегдашнем тесном союзе с Творцом своим, в добровольном подчинении всех действий своих Его премудрой и всесвятой воле; но мог, подобно падшему ангелу, пойти и противным путем, уклонить волю свою от воли Божией, начать действовать вопреки намерениям Создателя. И что было бы в последнем случае с сонмом тварей, ему подчиненных? Противник Бога куда бы привел за собою свое владычество?..

Потому, прежде возведения человека на высоту чести и могущества, его ожидавших, надлежало подвергнуть его, вроде испытания, некоему предварительному упражнению в употреблении своей свободы. Для сего требовалось указать ему на что-либо противное воле Божией, дабы он мог сделать выбор и показать или свое всецелое согласие с нею и совершенную покорность Творцу, или оказаться преслушником и, следовательно, неспособным к тому, чтобы ему вверено было господство над миром дольным.

Так, действительно, и поступлено (поступил Господь – ред.) с прародителем нашим. Господство его ограничено вначале только одним Едемом; потом приведены пред будущего владыку земли все животные для принятия от него имен; но полного управления всем дольным в руках Адама еще не видим. Это долженствовало произойти уже по окончании

опыта, тогда, когда человек соблюдением заповеди Божией доказал бы, что он будет верным исполнителем на земле уставов Небесного Самодержца.

Для сего прародитель наш поставлен в такое состояние, где воля Божия и его собственная предстали ему не только в видимой и осязательной отдельности, но даже в некоей как бы противоположности, так что для повиновения воле Творца надлежало ему забыть свою собственную волю с ее пожеланиями. И вот источник заповеди, ему данной: она служила человеку в испытание – к раскрытию его внутренних сил и упражнению его свободы!

Что касается предмета заповеди, то он мог быть взят отовсюду. Правда Божия могла бы потребовать от ущедренного всеми дарами человека самого трудного подвига и жертвы, подобной, например, той, которая потребована (была – ред.) некогда от Авраама, то есть могла бы потребовать в жертву себе самой его жизни: но этого не сделано. Напротив, опыт и искушение сведены на вещь самую малую и обыкновенную, на жертву, можно сказать, ничего не стоящую: не велено только вкушать от плодов одного известного дерева. Заповедь, однако, чрез это не теряла нисколько своей важности и не удалялась от своей цели. Важно было не то, чтобы сорвать или не сорвать плод с дерева, а то, чтобы послушать или не послушать Творца, Который запретил это. Для Существа всемогущего и всесодержащего все равно было: сорвано ли будет человеком яблоко с дерева, или солнце с неба.

Не забыты и все нужные предосторожности. Чтобы Адам, приняв заповедь, не мог быть увлечен в противную от нее сторону каким-либо коварным внушением, или, остановившись мыслью на одной поверхности предмета, не почел заповеданного не так важным и не пострадал от собственного легкомыслия, – для сего со всей ясностью указано ему то ужасное последствие, которое неминуемо имело произойти от нарушения воли Божией. *В онъже аще день, – сказано, – снесите от него, смертью умрете.* Большой угрозы и большого предостережения нельзя было и сделать. Таким образом, на страже у запрещенного дерева стояли уже не одна благодарность к Богу, а и страх смерти. Скажут, что Адам, не выдав еще на самом деле смерти, не мог вообразить ее себе в том точно виде и с теми самыми подробностями, с коими является смерть нам. Положим так; но и это не могло мешать действию угрозы, ибо после таких слов Божиих Адам должен был представлять себе, что за нарушение заповеди постигнут его величайшие бедствия; а сердце наше таково, что неопределенность бедствия, нам угрожающего, еще более тревожит и ужасает нас. А вернее всего то, что если премудрость Божия почла нужным оградить

прародителя нашего от преступления угрозой наказания, то, без сомнения, позаботилась о том, чтобы эта угроза и это наказание были для него понятны, хотя мы и не можем теперь показать определенно, как это было сделано.

После страшной угрозы за преступление человек должен был взирать на запрещенное древо уже не только как на предмет особенной воли Божией, но и как на собственного своего врага, как на свою смерть. Выражение Евы в беседе с змием, где она говорит, якобы им воспрещено было не только вкушать от плодов, но и прикасаться к сему древу, – между тем как последнего нет в словах заповеди, – дает разуметь, что древо запрещенное было уже не раз предметом размышлений и бесед ее с мужем, и что вследствие сих размышлений и бесед составила у них решимость не только не брать в руки плодов от сего древа, хотя бы то было из одного любопытства, но и не подходить к нему близко, во избежание всякого искушения.

Но, увы, что значит решимость и все наши обеты!.. Явится с льстивой беседой змий, – и забудется заповедь и Законодатель; бросится похотливый взгляд на плод запрещенный, – и выйдет из памяти самая смерть!..

Но как последует искушение, увидим в следующий раз, а теперь скажем еще несколько слов о заповеди. Видите ли теперь ее необходимость? Она служит к тому, чтобы посредством ее обнаружить совершенство человека и способность или неспособность к его высокому предназначению. Устояние человека в сем опыте утвердило бы волю его в добре и соделало бы неприступным для новых искушений. Видите ли теперь невинность самого древа запрещенного? Оно послужило к смерти не по какой-либо ядовитости своей, а потому, что человек не соблюл заповеди; само же по себе оно могло и, по намерению Божию, должноствовало служить к жизни, обнаружив совершенства первожданного человека. Если бы он устоял в искушении, то, вероятно, снято было бы и запрещение с древа, и оно, наряду со всеми древами райскими, отдано было бы в его власть и употребление. Таким образом и в сем случае совершенно верно то, что сказал апостол о законе Моисеевом: *заповедь свята и праведна и блага!* (Рим. 7:12).

Благое ли убо, – скажем словами того же апостола, – бысть мне смерть? Да не будет: но грех, да явится грех, благим ми содевая смерть, да будет по премногу грешен грех заповедю (Рим. 7:13). Нас погубило не древо, не заповедь, а мы сами – наша свобода, то есть ее злоупотребление. Вообразим, что не было ни заповеди, ни древа запрещенного: разве

человек не мог и без них уклонить своей воли от Бога и сделаться грешником? В нем самом, в его уме и совести была уже не одна заповедь, а весь закон; каждая из сих заповедей могла быть нарушена, и нарушение каждой сопровождалось бы смертью. *Оброцы бо греха* – всякого, внешнего и внутреннего, – *смерть!* (Рим. 6:23). Чтобы убедиться в этом совершенно и оставить навсегда ропот на заповедь и на запрещенное древо, вспомним судьбу Денницы и его падение. Пред ним, на небе, не было ни древа с запрещенными плодами, ни змия с искушением, однако же он пал самым ужасным образом, – прельщенный самим собою. Подобное могло быть и с человеком. Такова участь существ свободных, что они из своей воли могут делать, что ни захотят. Но если бы нам самим предоставлено было выбирать образ нашего падения, то гораздо лучше было пасть прельщенными совне, как бы нехотя и будучи увлечены обманом, нежели как если бы мы открыли источник зла в самих себе. Тогда и с нами (в последнем случае – ред.), может быть, произошло бы то же самое, что последовало с духами отверженными, то есть мы потеряли бы самую способность быть поднятыми из бездны. Аминь.

Слово в пяток 1-й недели Великого поста. О змие – искусителе

В прошедший раз, братие, мы обращались мыслями нашими в царстве растений, между дерев райских, ибо среди их находился предмет заповеди, данной для нашего испытания. Ныне мы должны войти в круг царства животных, ибо из их сонма взято искусителем орудие для обольщения наших прародителей. Таким образом, в великом опыте, который первому человеку надлежало пройти для своего усовершенствования, дано было участвовать – каждому своим образом – всем царствам природы, как бы в доказательство и видимое выражение того, что в лице человека, яко владыки, решалась судьба всего дольнего мира, ему подвластного. Устояв в испытании, пребыв верным воле Творца своего и Благодетеля, Адам не только сам утвердился бы в добре, но возвысил бы собою доброту и изящество всех низших тварей, приблизив их чрез себя к Источнику всех совершенств – Богу. Ниспав же с высоты богоподобия в змииную пропасть лжи и греха, прародитель наш не только сам пострадал от падения и потерял множество совершенств, но яко глава и средоточие мира дольнего, расстроил в себе и с собою благоустройство всех частей его и остановил все твари на пути естественного всем им стремления к совершенству. Посему-то, как замечает святой апостол Павел, со времени падения наших прародителей, не только терпим и злострадаем мы, потомки их, но и вся тварь совоздыхает и сболезнует нам даже донныне (Рим. 8:22). Почему совоздыхает? потому, отвечает он, что с того времени и она, без невинности и свободы чад Божиих, подверглась суете и работе нетления. Но обратимся к сказанию Моисееву.

Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли, ихже сотвори Господь Бог. И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго? (Быт. 3:1).

Итак, искусителем нашим был змий, – не пернатое, не зверь какой-либо, а пресмыкающееся, то самое, которое, как бы в знамение причиненной нам через него погибели, доселе одним видом своим уже производит в каждом из нас невольное к себе отвращение. Спрашивается: каким образом животное могло сделаться противником заповеди Божией и врагом человеку? Как с природой дерева несовместно быть источником познания и мудрости для человека, так с природой животного несовместно сделаться источником и началом греха в мире. Грех может явиться в собственном виде только там, где есть разум и воля: так как он и есть ни

что иное, как злоупотребление разумом и волей. И точно, у змия едемского видим то и другое: он будет вопрошать и рассуждать, советовать и предлагать, клеветать и обольщать. Мало сего, беседа змия с Евой показывает, что беседующий не только разумен, но и так хитер и опытен, что берется быть наставником для самих людей, и так зол, что дерзает явно идти против Самого Творца.

Прилично ли все это змию как простому животному? Очевидно, нет; и по этому уже одному надобно предположить, что в змие находилось какое-либо существо разумное, но злое, которое в сем случае захотело употребить животное только своим орудием, для прикрытия им подлинного своего существа и вида. Моисей не сказывает нам об этом потому, что изображает искушение так, как оно было, – по его видимой наружности, дабы мы удобнее могли судить, трудно ли было Еве устоять против обольщения змиинного; но в других местах Писания явно указан нам этот первобытный враг и губитель наш. При свете сих указаний мы знаем теперь несомненно, что это был тот самый злой и богоотступный дух, который еще на небе дерзнул восстать против Всемогущего и за сие восстание свержен в преисподнюю. Он-то действует теперь в змие Едемском и заставляет его производить то, что сам по себе ни змий, ни другое какое-либо животное, никогда бы не могли произвести.

Что побудило сего духа злобы искать нашей гибели? Всего вероятнее, избыток в нем зла внутреннего. Как существу истинно-доброму приятно умножать и сообщать другим доброе, в нем заключающееся, так существу злomu отрадно распространять и передавать свою злость. Кроме сего действовало и мщение. Не имея возможности уязвить самого неприступного лица Божия и прикоснуться к Престолу Всемогущего, сверженный с неба и дышащий мщением архангел покушается помрачить и превратить (извратить – ред.), по крайней мере, драгоценный образ Божий, сиявший в первом человеке, дабы погублением сего нового наперсника и любимца Божия причинить огорчение Создателю. Могла побуждать диавола на гибель человека и самая выгода: ибо, уловляя род человеческий в сети греха, он умножал сим самым число клеветов и слуг своих; даже подчинял адскому влиянию своему все то, из чего имело состоять будущее владычество Адамово.

Каждой из сих причин и одной достаточно было для того, чтобы подвигнуть против нас весь ад с его владыкой; и вот, гордый Денница, для достижения своей цели забывает свое надмение, входит в бедное пресмыкающееся и его устами заводит речь с Евой.

Почему избран им в орудие змий, а не другое какое-либо животное?

Ответ на сие выходит уже из самых слов Моисея, коими описывает он змия-искусителя: *Змий же бе, – говорит он, – мудрейший всех зверей сущих на земли.* В самом деле, змий и теперь хитростью превосходит едва не всех животных; а до падения человека, до проклятия, отнявшего у всех тварей часть совершенств, тем паче у змия, – он мог обладать еще большими способностями. По сему самому змий был удобнее других животных и для того, чтобы служить орудием для духа-искусителя, который, не смея показаться в собственном своем образе, искал в орудии себе такое существо, которое, искушая человека, казалось бы действующим само от себя, а не по чуждому внушению; ибо в последнем случае искушаемый возымел бы тотчас подозрение и не дался бы так легко в обман.

«Все это так, – подумает кто-либо, – но для чего было попускать такому ужасному существу, как дух отверженный, действовать на человека в такую решительную пору, когда судьба его видимо колебалась между небом и злом? Пусть бы искушало человека одно запрещенное древо и собственная его свобода. Для нашей слабости довольно было и сих двух искусителей».

За то видишь ли, возлюбленный, как ограничено это попущение? Если сам дух злобы является, чтобы искушать нас, то является как преступник, связанный по рукам и ногам невидимыми узами. Ему дано действовать, но не всеми глубинами злобы и лукавства: хитрости и козни его сокращены, умалены, унижены до образа действия гада пресмыкающегося; дозволено употребить только одну особенность, превышающую природу животного, – слово и язык человеческий. Но эта особенность, усиливая по видимому искушение, в то же время могла отнять у него всю действительность (реальность и действенность – ред.), внушив самой неестественностью своей подозрение искушаемой и страх опасности. Между тем, искуситель совне был небесполезен для человека в случае самого падения: ибо как непосредственный виновник преступления он имел служить (как и послужил) отводом против громовых стрел Правосудия Небесного, каравшего преступников заповеди. Искуситель, как увидим, первый примет их на главу свою, и прародителям нашим останутся на долю молнии, так сказать, уже почти угасшие. Во всяком случае, попущением образоваться искушению для прародителей наших совне предупреждалась ужасная возможность произойти ему изнутри, из самого духа и сердца их, как это произошло некогда в самом искусителе. Тогда зло, очевидно, проникло бы глубже в природу нашу, и исцеление ее от яда греховного сделалось бы, может быть, совершенно невозможным, или во стократ

труднее.

«Но Всеведущий, – скажет еще кто-либо, – не мог не предвидеть, что человек не устоит против искушения диавольского». Без сомнения, предвидел; но что из сего? Вообразим, что Он равно предвидел падение человека без искушителя, – от него самого; в таком случае, по тому самому, надлежало допустить искушение и падение человека через искушителя, дабы сим предотвратить для него падение от себя самого. Подобно как искусные врачи, предвидя внутреннюю смертоносную болезнь, стараются отвлечь ее произведением язвы наружной. Притом, предвидев и допустив падение от искушителя, Всеведущий предвидел в то же время или, лучше сказать, предположил и восстановление нас посредством Искушителя. Вообще, мы можем быть совершенно спокойны за то, что нас не подвергли в Едеме опасности напрасно, что от нас при древе познания не потребовали больше, нежели сколько мы могли понести. Скорее потребовано гораздо менее: ибо, предопределив в случае падения нашего послать Единородного Сына Своего, послать притом не на посещение только нас, как Иосиф посещал своих братьев, а на Крест и смерть за грехи наши, – любовь Отца Небесного по тому самому не могла, осмелимся так выразиться, сугубо не помыслить о судьбе нашей, то есть размыслить о ней не только ради нас одних, но и ради собственного Сына Своего. Ибо грозное определение за преслушание заповеди: *смертию умрете*, – вследствие тайны искупления долженствовало пасть уже не на одних нас, а и на Него, и на Него еще более, нежели на нас; ибо, умирая яко Жертва за грехи всего рода человеческого, Он умер смертию самой поносной и самой мучительной.

Теперь надлежало бы нам приступить к рассмотрению самых действий змия-искушителя; но собеседование наше уже и без того продолжилось значительно, а настоящий день призывает нас к другому – к исповеди и покаянию.

Думаете ли, братие мои, что лукавый и всезлобный искушитель оставит нас в покое и допустит совершиться исповеди и покаянию нашему, как должно? Нет, *человекоубийца искони (Ин. 8:44)* ничего так не боится в падшем человеке, как истинного покаяния, и ничему так не старается ставить преграды, как исповеди, ибо твердо знает, что это – смерть ему в нас. Посему, когда совесть наша будет внушать нам тяжесть наших грехов и представлять гнев Божий и казнь вечную, он заговорит внутри нас совершенно противное: что грех, например, есть вещь маловажная, что Существо высочайшему нет до поступков наших никакого дела, что Бог милосерд, что нам рано еще перестать угождать

себе и своим пожеланиям, что теперь особенно самые обстоятельства наши не благоприятствуют тому, чтобы нам переменить свои нравы и жизнь, что на это будет время после, и лучше и удобнее. Блюдитесь, братие мои, подобных мыслей, – это наветы змия; от них погибли прародители наши; от них же гибнем, и если не возьмем мер решительных, то навсегда погибнем и мы.

Не будем, подобно виновным прародителям нашим, убегать под тень древесную; не будем сокрывать язв совести, нечистот сердца, когда Господь, нас взывающий, гласом служителя Церкви воззовет к нам: *Адаме, где еси?* (Быт. 3:9). Оставим у порога церковного все смоковничные препоясания, все предлоги, вымышляемые нашей грехолюбивой природою к извинению неправд. Явимся пред Всеведущего со всей наготою и бедностью нашей и речем: се аз и грехи мои! Некого мне винить в них, кроме себя самого. Несмотря на всю слабость природы моей и на все искушения от мира и плоти, чувствую, что при каждом из них мог я устоять в чистоте и правде, если бы только восхотел того и оградился, как должно, благодатью Твоею. Но я небрег, окаянный, о своей душе и совести; не только не уклонялся зла, нередко сам искал его. И се, прихожду к Тебе, Врачу душ и телес, прихожду нечистый, помраченный и уязвленный, со знаменем отвержения во всем существе моем. Нет у меня ни единого права на милосердие Твое, – я сын гнева и клятвы! И если бы мне надлежало предстать пред Тебя, яко Творца и Господа моего, яко Судии и Мздовоздаятеля, то я уже осужден и низложен моей совестью; мне оставалось бы обратиться к горам и безднам и молить их: да сокроют меня от лица правды и славы Твоея!

Но я зрю посреди земли знамения спасения для всех грешников – Крест Сына Твоего! Яко Спаситель мира Он пришел взыскать и спасти не праведных, а подобных мне грешников. Вижду руце Его, со Креста простертые ко всем, – и гряду! Приими заблудшего, нечистого, оскверненного, убитого грехом и преступлениями, но кающегося, желающего быть чистым, здоровым и верным Тебе, Господу моему. Покрой Сам наготу мою, сам очисти скверну души и тела моего, разгони тьму, меня обышедшую, сними узы греха, меня гнетущие, коснись моего сердца и преложи его из камня в плоть, коснись моего духа и обнови его силой благодати Твоей, утверди на камени заповедей Твоих слабые нозе мои, огради мя страхом Суда Твоего, да помилованный, очищенный, освященный не возвращусь паки николиже на стропотный путь греха и беззакония! Аминь.

Беседа в среду 2-й недели Великого поста (На слова из Быт.3:1–5)

И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райского? И рече жена змию: от всякаго древа райского ясти будем: от плода же древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете. И рече змий жене: не смертию умрете: ведяше бо Бог, яко в онъже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое (Быт. 3:1–5).

Увы, как не многого стоило погубить нас! Ибо вот все, чем диавол низринул в бездну прародителей наших! Для обольщения нас не употреблено ни знамений, ни чудес, а только сказано несколько слов, – и мы не могли устоять против них! И какие это слова? Такие, что их, казалось, мог победоносно отразить даже отрок. В самом деле, кто поверит ныне, чтобы Творец мог, как клеветет змий, запретить человеку что-либо по зависти и из опасения, дабы он не сравнялся с Ним в совершенствах? На такую клевету всякий готов с ответом, что у Всеблагого Бога не может быть зависти, и что, с другой стороны, человеку нельзя быть вторым богом: ибо два бога невозможны. Столь же странно было думать, чтобы сего невозможного совершенства можно было достигнуть вкушением от плодов какого бы то ни было дерева. И тут многие и из нас тотчас сказали бы, что никакой на свете плод древесный не может сделать этого. Между тем прародительница наша, – хотя и не одними сими мыслями и обещаниями, а и собственным любопытством и самым видом древа, – но тронется и увлечется, как увидим, до того, что, забыв заповедь Божию и страх смерти, прострет руку свою к плоду запрещенному!.. Не знак ли это, подумает кто-либо, что прародители наши находились по уму своему в состоянии еще не вполне совершенном, и что потому же они не вполне способны были вынести того искушения, коему подвергнуты?

Нет, думать таким образом значило бы обвинять Провидение Божие в том, что оно вывело на сражение воина, не снабдив его достаточно ни силой, ни оружием. Так не поступают и благоразумные из людей, кольми паче Бог Всеблагий и премудрый. Если человек подвергнут искушению, то потому, что мог победить его. Почему же не победил? Потому, что не захотел победить. Почему не захотел? Потому, что обладал свободой и допустил чувственности затмить в себе рассудок. При таком затмении и ныне самые высокие по уму люди становятся иногда неразумнее малых детей, и совершают такие дела, о коих каждый невольно спрашивает: как

эту странность мог сделать такой умный человек?

«Но при самом затмении рассудка от чувственности, – возразишь, – как можно было поверить таким невероятностям, какие говорил змий? Такое доверие не совместимо с предполагаемым совершенством первых людей». А в чем, скажи, состояло это совершенство и до чего простиралось?– Мы не должны умалять его, но не должны и преувеличивать: то и другое равно повело бы нас к мыслям неправильным. В чем же состояло совершенство первых людей, если смотреть на него без преувеличения? – В том, во-первых, что в них не было никакого природного недостатка и порчи; в том, далее, что они снабжены были прекрасными способностями душевными и телесными; в том, в-третьих, что вся природа их была предрасположена к добру и естественно отвращалась от всякого зла; в том, наконец, что в душе их, яко в природном своем храме на земле, всегда присутствовала благодать Божия, исполняя их чувством небесного довольства и радости. Но при всей чистоте и благонастроенности, прародители наши не только не были, подобно Ангелам, утверждены в добре, но не имели еще и той нравственной твердости, какую имеют ныне святые Божии человеки, кои, узнав худость греха из опыта, отвращаются от него, как от зла уже изведенного.

С сей стороны пагубность греха стократ более известна даже для каждого из нас, нежели сколько была она ведома для наших прародителей. Преимущество горькое для нас и печальное, но в некоторых отношениях весьма важное! Не имея его (а его нельзя было иметь без опыта), первый человек по тому самому был доверчивее к самому невероятному. Над ним, в известном смысле, сбылось то, что апостол Павел заметил о любви, что она *всему веру емлет* (1Кор. 13:7), потому что сама, говоря всегда правду, не может без особенного усилия и представить, чтобы кто-либо мог говорить неправду. Подобный взгляд на состояние Адама в раю имел святой апостол Павел, когда писал к Коринфянам: *Боюсь же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют (и) разумы ваши от простоты, яже о Христе* (2Кор. 11:3). И в Едеме была сего рода простота, – благая, вожденная, чистая, святая, – но не имеющая еще чувств, обученных *долгим учением в рассуждение добра же и зла* (Евр. 5:14), которая посему самому могла, прошед опыт, обратиться в искусство духовное и в разумную непреклонность ко злу, но, увлекшись чувственностью, могла также, хотя без злого намерения, внять совету змия, забыть заповедь и вкусить от запрещенного древа.

Скажут: в таком случае повременить бы искушением. Но доколе же

временить? Из такого неопределенного состояния простоты иначе и нельзя было выйти окончательно, как посредством опыта же и искушения; через сто, двести лет оно было бы то же, доколе не сделано опыта. И Ангелы на небе, если утвердились в добре, то также после своего рода опыта, то есть после возмущения Люцифера, когда, имев случай к соблазну и искушению, преодолели и таким образом отошли навсегда от той роковой черты, которая перед каждым свободным существом отделяет, так сказать, небо от ада.

После сих предварительных замечаний, братие мои, понятнее будет, как змий-искуситель позволяет себе говорить совершенную ложь и выдавать за верное вещи несбыточные, и как прародительница наша не закрывает от них, при самом начале, своего слуха.

Теперь перенесемся мыслью в Едем и приложим внимание к беседе нашей прародительницы с искусителем.

По всему видно, что это несчастное собеседование происходило у самого древа познания, ибо после того, как прельщенная жена решилась преступить заповедь, тотчас сказано: *и возьми... яде*, – то есть от того древа, которое находилось непосредственно пред нею и к коему стоило только простереть руку. Значит Ева до беседы с змием сама собой подошла к опасному древу. Почему и зачем? Потому ли, что оно стояло на пути или весьма близко к жилищу прародителей? Последнего не видно; не из чего заключить и о первом. Посему невольно приходит мысль, что это было в Еве едва ли не следствием какого-то любопытства, которое вообще так свойственно природе нашей, и от коего доселе бывает немало бед и искушений.

Итак, праматерь наша теперь перед запрещенным деревом!.. А змий давно там; и, может быть, не раз готовился к нападению, только не находил к тому случая. Теперь он явился, – и злобный враг пользуется им со всей хитростью.

И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?

В словах сих – хитрость на хитрости. Речь заводится не прямо о заповеди и запрещенном древе, которое пред глазами Евы; нет, змию до этого нет как бы никакого дела; он только, пользуясь случайной встречей Евы, хочет узнать об одном предмете, который давно лежит у него на сердце и тревожит его, – не за него самого, а за Адама и Еву, а именно: что бы такое значило, что Бог запретил им вкушать от всех плодов райских? Жалеть сих плодов, кажется, нечего, – их так много! да и чего они стоят Богу? Почитать их вредными нельзя, – они так видимо прекрасны и добры

в снедь! Наказывать, таким образом, Адама и Еву не за что: они не сделали еще ничего противозаконного. А между тем их положение становится оттого даже для других существ странным и жалким. Быть в саду, называться господами Едема и не сметь поднять руки, чтобы сорвать плод с дерева!.. Тут явно кроется какая-либо тайна и намерение: что же бы все это значило? *Что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?*

Таким образом, начало разговора было, по-видимому, совершенно невинно и естественно. Змий усердствует Адаму и Еве, как своим владыкам; думает, что их состояние хуже, нежели как оно есть, – и спрашивает. Ошибается в своем предположении; но ошибается, так сказать, от избытка усердия. Как после сего не вразумить заблуждающего и не сказать ему, что он напрасно думает, якобы Бог запретил Адаму вкушение от всех деревьев райских, что подобному запрещению подвергнуто только одно дерево? Такого вразумления требовали и признательность за усердие, и самая честь Божия, дабы змий не думал более, что Бог-Творец слишком строг и нелюбосообщителен.

Одно, по-видимому, могло удержать Его от беседы с змием – это его способность говорить, не свойственная животному! Такая необыкновенность, казалось бы, должна изумить ее и заставить пригласить мужа, или, по крайней мере, первее всякого ответа, спросить змия: откуда явилось у него слово? Но, во-первых, что необыкновенно теперь для нас, то, может быть, не так необыкновенно было в Едеме; то есть, может быть, это был уже не первый опыт, что существа невидимые облекались пред человеком во образ существ видимых, дабы тем удобнее входить в сообщение с ним, яко существом, хотя не чуждым их природы, но до времени принадлежащим наиболее миру видимому и чувственному. А если явление сие было и необыкновенно, то самая необыкновенность, в свою череду, тотчас могла возродить любопытство и желание вступить в начатую со стороны змия беседу, дабы узнать, что будет далее. Даже могла возбудиться мысль: не есть ли такое необыкновенное и возвышенное состояние змия следствием вкушения от плода запрещенного? В таком случае, еще естественнее было желание продолжать беседу с змием, дабы узнать поскорее тайну заветного древа.

И вот Ева, не медля, отвечает искусителю: *И рече жена змию: от всякаго древа райскаго ясти будем: от плода же древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете (Быт. 3:2–3).*

Слова сии еще так невинны, что их мог произнести сам Ангел. Ибо что делает Ева? Поясняет истину, вразумляет неведущего змия, защищает,

хотя не прямо, от нарекания своего Творца и Благодетеля. Ибо сказать, что говорит теперь она, значило то же, что сказать: напрасно, змей, беспокоишься за нас, твоему вопросу вовсе нет места, Бог не давал такого странного и строгого запрещения, как ты думаешь.

Одно только неожиданно в словах Евы: заповедь Божия о древе познания добра и зла является в устах ее с прибавлением, которого в ней не было, а именно: Бог не запрещал прикасаться к дереву, как говорит Ева, а только повелел не вкушать от плодов его. Откуда же явились слова сии у Евы? Не погрешим, если вслед за учителями Церкви скажем, что они произошли в ней от страха смерти в сердце, а страх сей – от тайной склонности к запрещенному дереву. Не предосудительное чувство и страх, (если их – ред.) дал бы Господь, чтобы мы хотя по страху оставались верными заповедям Господним! – но в сердце Евы можно было ожидать другого чувства господствующего, высшего и лучшего, то есть любви и уважения к своему Творцу и Благодетелю. Посему этими немногими прибавочными словами едва ли не обнаруживалась, невольно и неприметно для самой Евы, тайна ее душевного состояния.

Змий тотчас заметил, что праматерь нашу в повиновении Богу держит наиболее страх смерти, – и тотчас со всей силой ринулся на сию ограду, чтобы, опровергнув ее, овладеть легковерной женой. *И рече змий жене: не смертью умрете: ведяше бо Бог, яко в оньже аще день снесете от него, отверзнутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое (Быт. 3:4–5).*

Заговорить таким языком значило уже сбросить с себя все личины, ибо кто говорит таким образом, тот явно показывает себя уже не тем, чем представлялся прежде, не существом, мало знавшим дело и потому вопрошавшим, а таким всеведцем, коему известна вся тайна древа и заповеди более, нежели самому Адаму и Еве, который был как бы в совете Самого Бога и знает истинную причину, почему воспретил Он Адаму вкушение от сих плодов. И какая это причина? Не сожаление о нем по причине какой-либо опасности для него от плодов древа (в них, напротив, чудное свойство – отверзать у вкушающих очи и делать их богоподобными!), а опасение и зависть, чтобы Адам, питаясь такой чудесной пищей, не узнал всего и не сравнился со своим Творцом. То есть как в прежних словах змия была хитрость на хитрости, чтобы только благовидно завязать с Евой речь, так в настоящих словах была клевета на клевете, дабы прямо соблазнить ее на вкушение от запрещенных плодов: только как там, так и здесь все продолжает дышать мнимым доброжелательством к человеку и усердием к возвышению его

благосостояния. И вы верите сему! – как бы так говорит змий, – думаете, что дерево запрещено по причине опасности смерти? как вы просты и недалновидны! умереть от этих плодов? напротив, кто вкушает их, у того отверзаются очи, и он становится подобным Богу, получая редкую и чудную способность – знать добро и зло. Бог ведал это, и вот причина запрещения – Ему не угодно, чтобы вы сравнились с Ним! ...судите после сего, стоит ли хранить такую заповедь и лишать себя – произвольно – такого совершенства?

«Боже мой, – воскликнет при сем кто-либо, – и эту ложь и клевету можно было выслушать равнодушно? И жена не отвратила своего слуха? Не поразила змия? Не возвратилась тотчас к своему мужу? Где любовь к Творцу и Благодетелю? Где вера слову Его? Где стыд и совесть? Где самый страх смерти?»

Очевидно, не было уже в душе и сего спасительного страха, – этого последнего якоря среди восставшей в душе бури помыслов. Куда девался он? Исчез среди волн сомнения, возбужденного словами искусителя, которое как темное облако тотчас обняло всю душу, не давая видеть за собою ничего, кроме рокового дерева. От каждого из слов змия рождалось множество мыслей, одна другой мрачнее, и каждая закрывала собою в душе светлый лик Отца Небесного.

Так вот тайна заповеди, – думала долу преклоненная уже, но еще не совершенно падшая праматерь наша. – Кто из нас мог проникнуть в это? Значит пред нами, в наших руках, давно находится средство быть яко бози; и мы, по неведению, не пользуемся сим драгоценным средством! Другие существа, даже змии, сожалеют о нас; только мы одни не знаем своего состояния! Что бы из нас было уже доселе, если бы мы не были так просты!

Если искуситель, произнесши ужасные слова, заставил в то же время змия вкушать от плодов сего древа, то это еще более могло расположить Еву к мысли, что змий совершенно прав, что напрасно говорено Богом, якобы за вкушением от него следует смерть; вероятнее напротив, что в дереве кроется чудная способность сообщать ведение, ибо змий, от него вкушающий, не только остается в живых, но и обладает оттого особенной мудростью.

Надлежало ожидать по ходу беседы, что праматерь наша скажет что-либо в ответ и на сии последние слова змия, отразит их до времени чем-либо, или пожелает доказательств на его клевету; если же они подействовали на нее решительно, то возьмет тотчас плод и вкусит. И однако же ни того, ни другого не было. Ева ничего не говорит змию, –

знак, что слова его не нашли в ней противоречия; не тотчас вкушает и от плода запрещенного, – знак, что она находилась еще в состоянии нерешимости. Состояние души, подобное тому, когда внезапной бурей оборваны уже в корабле снасти, со всех сторон проникает в него вода, но кормило еще в руках кормчего; стоит только не терять духа, удвоить усилия, взять меры против расщелин в корабле, переждать опасную минуту, – и потопление избегнуто. Как останется без действия эта драгоценная возможность спасения, как довершится наша гибель и торжество врага, увидим после. А теперь извлечем из виденного какой-либо урок в наше назидание.

Видите, с чего началась опасность? С того же, с чего на море во время летнего полудня начинаются бури опасные. Среди чистого неба является вдали малая, темная точка. Опытные мореплаватели, заметив это, тотчас дают кораблю направление, отличное от того, куда она движется. Иначе в несколько минут точка сия возрастет в огромное облако, набежит на корабль и может сокрушить его. Так и здесь. На светлой душе Евы появился полусветлый вопрос змия: *что яко рече Бог?* Вопрос сам по себе еще, как мы видели, невинный; но посмотрите, как он скоро возрос в темную тучу сомнений! Так опасны самые невинные по видимому вопросы и недоумения касательно веры! Начнешь благонамеренным по-видимому испытанием, а кончишь явной хулой на Провидение; ибо путь сомнений как спуск с крутой горы вниз: первые шаги ровны и тихи, но последующие невольно ускоряются сами собой до того, что и хотел бы уже остановиться, но не можешь. Особенно опасен путь сомнений для неопытных, какой была и праматерь наша. Но Еву, взамен неопытности, много ограждала еще от опасности невинность и чистота души, коих в нас нет. Нечистую душу, напротив, в сем отношении должно уподобить храмину, в коей по всем углам разбросано множество разных горючих веществ; потому одна упавшая искра какого-либо сомнения тотчас разливает огонь по всей душе. В таком случае откуда берутся вопросы и недоумения? Душа становится подобна горе огнедышащей, из коей вылетают и дым и пламя, вода и камни, под которыми в несколько минут погребается невооруженно то, над чем трудились многие годы.

«Что же, – подумает кто-либо, – ужели не надобно размышлять о заповедях Божиих?» Нет, мы не говорим сего, а только хотим внушить, что узнавать достоинство и пользу сих заповедей всего лучше не пытливым размышлением об их причине и целях, а верным и постоянным исполнением заповеданного. Что сказал бы тебе опытный врач, предписавший лекарство на твою болезнь, если бы ты стал сомневаться о

нем и философствовать? Примите, – он сказал бы, – лекарство, как предписано, и тогда судите по его действиям. Сего вправе требовать от нас и человек, нам подобный, который может сто раз ошибиться; кольми паче имеет право на то Бог всеведущий и неложный во всех словесех своих. Что много думать о том, о чем до нас и за нас рассуждено Самим Богом?

Надобно принимать лекарство, а не мудрствовать о нем. Посему души простые ничего не могут лучше сделать в отношении к предметам веры, как, заградив слух свой навсегда от всех споров и возражений, ограничиться простым исполнением заповедей Божиих и уставов Святой Церкви.

Для сего, может быть, не бесполезно будет передать вам рассказ об одном простом, но добром и твердом христианине, которого злой дух хотел привести в сомнение о вере. Как ты думаешь, – спросил он, – о таком-то догмате? Так же, – отвечал он, – как думает Святая Церковь. А Церковь как думает? – продолжал искуситель. – Так же, как и я. – А ты? – Так же, как и Церковь. На все дальнейшие подобные вопросы был один и тот же прежний ответ; и диавол, не находя места к уязвлению, отошел посрамленный. Вот пример, как должно ограждать себя простым людям от искушений в вере!

Те же из нас, кои самым званием, или свойством ума своего, или другими обстоятельствами, поставлены в необходимость исследовать истины веры в их основании и взаимной связи, да делают сие важное дело с благоговением и страхом, памятуя, что им досталось идти опасным и скользким путем: да не выпускают они никогда из виду злополучного примера прародительницы нашей, да не забывают, что все бедствия, от коих страдаем мы, начались с самого невинного по-видимому вопроса: *что яко рече Бог?*

Не наша доля на земле знать все: всего не знают и Ангелы на небе. Сам Сын Божий, находясь *во днех плоти Своея* (Евр. 5:7), сказал о Себе, что Он не ведает, когда наступит последний день мира (Мк. 13:32). Нам ли покушаться на всезнание? Придет время, спадут узы плоти, отнимется завеса чувственности, – тогда *узрим Его, якоже есть* (1Ин.3:2), и познаем, *якоже и познан бых* (1Кор.13:12). Аминь.

Беседа в пяток 2-й недели Великого поста. На слова: *И виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети (Быт. 3:6)*

Между склонностью прародительницы нашей к падению и самым грехопадением была, как мы видели в прошедший раз, минута недоумения и нерешимости. И вняв змию, мы не вдруг еще простерли руку к плоду запрещенному. Что именно было в эту минуту на душе Евы? – един Бог весть. Но, явно, было не то, что должно; явно, что мы не умели употребить сей драгоценной минуты в свою пользу.

Что бы надлежало сделать нам среди обышедшей нас тьмы клевет и подозрений змииных? Надлежало отвратить взоры от змия и древа, устремить их горе – к Богу, и в Его совершенствах и благодеяниях нам искать успокоение сердцу, мятущемуся сомнениями. Таким образом, без труда нашлось бы все, что нужно к угашению разжженных стрел сатаны. Ибо возможно ли, чтобы Творец Всесовершенный позавидовал в чем-либо своей твари? Чтобы Всеблагий запретил плоды древа потому, что вкушение от них могло поставить человека на высшую степень совершенства? Разве не в Его воле было не вызывать нас на свет из ничтожества? Что мы бытием своим могли придать к Его беспредельным совершенствам? Но Он возлюбил нас еще не сущих, извлек из небытия и украсил – не только умом и волей, но и самым образом Своим; сделал владыками рая и всей земли и предназначил к господству над прочими тварями. Это ли зависть и недоброхотство? – А ты, проклятый искушитель, что сделал для нас доброго? Чем доказал истину своего мнимого усердия? Разве тем, что клеветешь теперь на Бога и хочешь погубить нас, коварный? Но твоя злоба и лукавство не останутся без казни. Кто бы ты ни был – простой змий, или хуже змия, мы возвестим о тебе Всемогущему, и будем молить, да не являешься ты никогда среди мирного жилища нашего. Тогда – пред Лицем Его – повторяй, если можешь, ужасную клевету твою; а мы – рабы Господни и веруем слову Его более, нежели собственным очам нашим.

Подобные мысли могли бы рассеять все недоумения и спасти злополучную праматерь нашу от поползновения ко греху. Но сии мысли остались без употребления. Почему? Потому что ум искушаемой Евы обратился совсем в другую сторону. Ибо с душой нашей бывает то же, что и с телом: куда обратишься с мыслью, то и видишь; а что позади тебя, то,

как бы ни было близко, как будто не существует для тебя. Это самое последовало и с Евой: она отвратилась мыслью от Бога, без всякого, впрочем, еще намерения преступить заповедь Его, – и обратила весь ум свой к запрещенному дереву, тоже еще без определенного намерения вкусить от плодов его, а только как бы ища в нем или подтверждения, или опровержения на то, что говорил о нем змий. Хотя это было уже крайне опасно, но все еще не составило бы полной беды, если бы Ева могла смотреть на дерево просто, не предзанятая мыслями змия, без тайного предрасположения найти в нем то, что обещал от него искушитель. Ибо что же такое было в самом древе, чтобы нельзя уже было посмотреть на него без того, чтобы не решиться вместе с тем вкусить от плодов его? Особенного совершенства, в сравнении с другими деревьями райскими, тем паче в сравнении с деревом жизни, предполагать в нем, как мы видели прежде, нельзя. Посему на него совершенно безопасно можно было смотреть тому, у кого око было чисто и не затемнено чувственным вожделением. Но такой чистоты взгляда и свободы от чувств у нас уже не было. Злополучная жена, сама не ведая, будет смотреть на дерево сквозь то стекло, которое поставил пред нею искушитель. Посему ей представится в дереве и плодах его то, чего никогда не представлялось прежде и не представится после.

И виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети (Быт. 3:6).

Вот сколько вдруг новостей и открытий! Что Апостол усматривает в целом мире, говоря, что *все, еже в мире, есть похоть плотская и похоть очима и гордость житейская (1Ин. 2:16)*, то Ева теперь находит в одном бедном дереве. А отчего? Оттого, что смотрит на него, как мы сказали, в увеличительное стекло собственного чувственного вожделения, – такое стекло притом, которое подкрашено дыханием змииным. Все это, как замечает святитель Иоанн Златоуст, служит доказательством, что жена, приняв оный пагубный совет змиев, «и свое старание приложила» тем, то есть, что не удалилась тотчас от древа, а еще так прилежно со всех сторон рассматривала его. Таков вообще путь искушений: сначала он широк и с него много выходов в разные стороны; потом становится уже и теснее, и выходов менее; наконец, образует над человеком как бы свод со стенами, так что поневоле надобно идти, хотя и согнувшись, далее. Ева тем скорее дошла до последнего предела, чем мысль в ней была живее, и желания, яко еще неиспорченные, быстрее.

И виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети.

Тут уже нет змия, а вместо его продолжает искушение собственная похоть. Змий говорил: *не смертью умрете*; похоть продолжает: древо не только не смертоносно, но и *добро в снедь*. Змий утверждал: *в оньже аще день снесите от него, отверзутся очи ваши*; похоть присовокупляет: действительно *угодно очима видети*. Змий обещал: *и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*; похоть подтверждает и как бы уже видит на деле то же самое: *и красно есть, еже разумети!*

Вот сколько новых соблазнов и поводов ко греху! А отчего? Все оттого, что праматерь устремила взор не туда, куда следовало: не к Богу, на небо, а на землю, к дереву. Когда бы она, как мы прежде заметили, тотчас удалилась от опасного места, то не было бы ничего подобного. Не напрасно один из пророков чувства наши называет окнами, через которые входит в душу смерть. Теперь войдет ими именно смерть. Хорошо знал это святой Иов, когда почитал нужным полагать завет очам своим, чтобы не взирать на запрещенное. Ева не положила сего завета и тем несказанно усилила сама для себя искушение.

Но неужели Ева без мужа решится кончить дело столь важное? А он может еще поправить его, образумить легкомысленную, удержать долупреклонную. Напрасная надежда! Змий не ждет, похоть очес сейчас требует удовлетворения, древо, кажется, само преклоняется долу с плодами. Тут ли медлить? испытать его теперь же, обрадовать внезапностью супруга, усвоить себе честь открытия, столь важного: *и возьмиши от плода древа яде!*

Яде... Выражение, показывающее полноту действия; то есть не отведала только, вкусила, а съела то, что взяла с дерева. Мы не знаем доподлинно, какой это был плод; но видно, что вкушение его продолжалось не одно мгновение, а некоторое время, может быть, и немалое, если плод был немалый. Сего и надлежало ожидать как от любопытства, так и от чувственного вожделения, кои действовали теперь в Еве.

Будем ли винить и осуждать праматерь нашу за все это? Но чтобы иметь хотя малое право на сие, надобно прежде доказать, что мы поступили бы на ее месте лучше. А кто из нас в состоянии сказать это? Увы, мы знаем уже всю ядовитость греха, и однако же не престаем увлекаться им! Ибо хотя мы живем уже не в Едеме, и первобытного древа жизни нет пред нами, но дерев познания добра и зла и доселе много по всему миру. При каждом из них слышится древняя заповедь: *в оньже аще день снесите от него... смертью умрете!* Но многих ли из нас удерживает от греха это грозное предостережение? Прародительница наша единожды

только простерла руку к плоду запрещенному, а мы простираем ее стократно – во всю жизнь нашу. Самые бедствия от грехов наших не могут удержать нас от них. Видят нередко, что поступают крайне худо; чувствуют, можно сказать, внутри себя смерть и пагубу от плода запрещенного, – и, несмотря на сие, продолжают повторять один и тот же грех, как бы не веря собственным своим ранам. Не будем же столь дерзки и безрассудны, чтобы роптать безумно на прародительницу нашу, памятуя, что мы сами повторяем непрестанно то же самое. Посмотрим лучше на то, как нам вести себя среди искушений, дабы не попадаться в сети врага. Для сего выйдем из Едема и пойдем в пустыню Иорданскую; ибо что потеряно нами в раю сладости, то паки обретено для нас на месте слез и вздыханий.

Мы хотим указать вам, братие, на пример Господа и Спасителя нашего и на Его победу над искушителем во время сорокадневного поста Его в пустыне. Искушение Спасителя и искушение прародителей наших очевидно (явно – ред.) состоят в тесной связи между собой. Второй Адам подвергся искушению, без сомнения, не за Себя, а для вознаграждения преступления Адама первого; потому и самый вид Его искушения весьма похож на тот, от коего пала теперь Ева, с тем только различием, что враг явился пред Спасителя уже не в виде змия, как искушал нас, а в собственном своем лице. Притом, что для Евы сосредоточено было в плодах одного дерева, то диавол для Искупителя раздробил, так сказать, на три приема, дабы, если не подействует один, употребить с успехом другой. *Аще Сын еси Божий, рцы каменевы сему, да будет хлеб* (Лк. 4:3; сн.: Мф. 4:3), – вот первое искушение! Можете судить, как должен был казаться добр в снедь хлеб из камней после того, как проведено было в посте сорок дней! *И постави Его на крыле церковнем, и глагола Ему: аще Сын еси Божий, верзися низу!* (Мф. 4:5–6; сн.: Лк. 4:9). Вот второе искушение, не менее привлекательное для обыкновенного самолюбия человеческого. Ибо в какое удивление пришел бы весь Иерусалим, увидев Иисуса, свергшегося безвредно долу с такой высоты, с которой страшно было и посмотреть вниз! Воистину и это красно было, еже разумети опытом. *И показа Ему вся царствия мира и славу их, и глагола Ему: сия вся Тебе дам, аще пад поклонишиися* (Мф. 4:8–9; сн.: Лк. 4:5–7), – вот третье искушение, столь же сильное, ибо для Того, Кто не имел во всю жизнь, где подклонить главу, долженствовало быть весьма угодно видеть весь мир, со всеми благами и красотами его, подлежащим Своей власти!

Что же Искупитель наш? У Него нет, как у Евы, помыслов многих, а

единая только неизменная мысль о святой воле и славе Отца Небесного. Когда искушитель хочет обратить внимание Его на предметы дольные, Он всякий раз обращается при сем горе, к Отцу, и от Его светлого лица взимает ответ врагу. На предложение о хлебах Он отвечает: *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем из уст Божиих* (Мф. 4:4). На предложение вергнуться низу говорит: *не искушиши Господа Бога твоего* (Мф. 4:7). Предложение царств мира, с подчинением за господство над ними врагу, отражает словами: *Господу Богу твоему поклониши и Тому единому послужиши* (Мф. 4:10). И все ответы заключены повелительным гласом: *Иди за Мною, сатано!* (Лк. 4:8). А Ева пустила его пред собою, как вождя и руководителя, пошла за ним легкомысленно, – и погибла.

Но вместе с этой твердостью и с сим величием Спасителя, смотрите, какое в Нем глубокое смирение! Он ничего не говорит диаволу от Своего лица, а все заимствует из слова Божия, поражает его таким образом мечом нерукотворенным: *писано бо есть... писано бо есть...* отвращая нас Своим примером от той самонадеянности, с кою праматерь наша вступила в беседу с искушителем, и подавая нам пример смирения, которым всего скорее побеждается гордый противник наш. Весьма полезно посему и для нас иметь в памяти своей запас изречений из Священного Писания, дабы в случае искушения тотчас можно было употребить их к отражению стрел вражиих. А кто не может сделать сего, тот в сем случае делай, по крайней мере, вот что: первее всего устремь мысль к Богу и проси помощи, ибо сами по себе мы, как трость, ветром колеблемая, легко можем увлечься и пасть без помощи свыше. Во-вторых, если можешь, то закрой глаза и беги от предмета и места искушения. Ибо и Ева, если бы тотчас удалилась от древа и змия, то не вкусила бы плода. А когда нельзя удалиться внешне, то старайся, по крайней мере, быть далее внутренне, то есть не обращай, подобно Еве, взора и мыслей на предмет искушения; старайся не видеть и не знать его, иначе и тебе в минуту искушения может показаться он стократ привлекательнее, нежели каков есть на самом деле. Когда мы будем таким образом блюсти себя и сражаться с врагом чем можем, сражаться и призывать на помощь Господа, то быть не может, чтобы нас оставили без услышания: ибо Господь, как уверяет слово Божие, никогда не попускает нам быть искушаемым паче, нежели можем понести. Аминь.

Беседа в среду 3-й недели Великого поста. На слова: *И взявши от плода его (Ева) яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста (Быт. 3:6)*

Преступление заповеди Божией прародительницей нашей было уже крайне важно и пагубно для нас; но дело падения нашего не было еще сим кончено. В лице Евы пала только одна половина рода человеческого, и притом слабейшая. Адам еще не участвовал в преступлении заповеди. Можно было надеяться, что он, яко муж и глава, устоит против искушения. Но, увы, самая надежда эта была уже такова, что почти надлежало опасаться неисполнения ее. Ибо много ли было бы радости, если бы Адам и не пал, когда согрешила уже Ева? Тем, кои были так неразрывно сопряжены в состоянии невинности и блаженства, трудно было разделить и в наказании за него. Взаимный союз прародителей так был неразрывен и глубок в основании его, что происшедшее в одном не могло в то же время не отражаться и в другом, так что вместе с Евой, можно сказать, предниспал уже и Адам. Сим именно, ничем другим, объясняется та скорость и, так сказать, беспрекословность, с коими, по описанию Моисея, падает прародитель наш. Ева, по крайней мере, беседует со змием, рассматривает запрещенное древо, недоумевает, борется с собственными мыслями и потом уже простирает руку к плоду; в Адаме не видим ничего подобного: ему подают плод, он берет его, как обыкновенный, и вкушает; то есть дело происходит так, как бы уже не могло быть иначе. *И даде мужу своему... и ядоста.*

Впрочем, не должно думать, чтобы все это произошло совершенно молча: ибо иначе Адам и не знал бы, какой подают плод, следовательно, и вкушая его, не был бы виновен в преступлении заповеди. Ева рассказала, конечно, о своей встрече и беседе со змием, как последний открыл ей мнимую тайну запрещенного древа, как подействовал на нее самый вид плодов его, и что вкушение от них не только не заключает в себе ничего вредного, но и сопряжено с удовольствием. А это все по необходимости заставляет предполагать, что в Еве по вкушении от гибельного плода, действительно на первый раз не произошло ничего явно худого, тем паче мучительного, иначе как бы решилась она поднести собственными руками супругу своему ту отраву, которая терзала ее внутренность? В последнем случае она скорее отвратила бы своего супруга от вкушения гибельных плодов, хотя бы он, по любви к ней, и захотел разделить ее печальную

участь.

Из этой мнимой безвредности плодов запрещенных должно было составиться для Адама новое и сильное искушение. Видя жену, и по вкушении от них оставшуюся в живых, без особенной видимой перемены на худшее, он легко мог подумать, что если обещание змия чрезвычайных действий от сих плодов и преувеличено, то и угроза смертью за него также несоразмерна с истиной; что древо если и не божественно, как уверял змий, то и несмертоносно, как объявлялось в заповеди Божией. С другой стороны, если бы и оставались какие-либо сомнения в душе Адама, если бы и готовы были причины к возражению на слова Евы, и представлялась удобность показать, что она в заблуждении, – то уже поздно было врачевать зло; дело сделано невозвратно; плод сорван и вкушен Евой; осталось только или предоставить падшую самой себе, или разделить с нею тяжесть грехопадения. Любовь к Богу не устояла пред любовью к жене: и Адам предпочел последнее!..

И даде мужу своему... и ядоста. Значит, Ева при сем снова вкусила от плода запрещенного и таким образом нарушила заповедь Божию как бы дважды. Откуда бы ни произошло это, – от собственной ли расположенности к плодам запрещенным, или из желания подать сим пример мужу, – во всяком случае вина ее через то усугублялась, а это повлечет за собою, как увидим, и наказание сугубое. Но если Ева виновнее в том, что первая открыла сердце свое искушителю, первая вкусила от запрещенного древа, и она уже увлекла примером своим мужа, снова вкусив для сего пред ним от плодов его, то Адам, в свою очередь, виновнее жены тем, что яко глава жены, долженствуя быть руководителем ее, легкомысленно увлекся ее предложением и почти без всякого размышления преступил ту заповедь, которую непосредственно принял от самого Бога. В сем-то, конечно, разуме и апостол Павел называет одну Еву обольщенную (1Тим. 2:14) и одного Адама преступником заповеди (Рим. 5:12, 14, 19).

Взглянем теперь на самый поступок прародителей наших. По наружному виду своему он представляется не так важным. Ибо что может быть проще, как сорвать какой-либо плод с дерева и съесть его? – Но когда вникаешь в сущность сего поступка, то он тотчас представляется чрезвычайно важным. Почему? Потому, во-первых, что в сем случае нарушена воля и заповедь не человека какого-либо, не Ангела или Архангела, а Существа высочайшего и всемогущего, нашего Творца и Благодетеля; потому, во-вторых, что сей поступок обнаружил в прародителях наших множество худых мыслей и чувств, и вообще показал,

что с богоподобной природой их произошло ужасное превращение.

В самом деле, найдите преступление, которое не заключалось бы, явно или тайно, в этом несчастном вкушении. Неверие? Здесь не поверили ясному и решительному слову своего Творца и Благодетеля и, вопреки заповеди Его, положились на клевету такого ничтожного существа, как змий. Гордость? Здесь простерлись в ней до того, что решились сравниться с Самим Богом. Любостыжательность? Здесь не удовлетворились Едемом и господством над целой землей, и не захотели предоставить Богу единого древа. Плотоугодие и невоздержание? Они-то наипаче и погубили нас; ибо древо первое всего показалось добрым *в снедь*. Ненависть и злоба? Но любят ли Того, чью заповедь преступают так безумно, и у Кого хотят отнять, если бы то было возможно, самое владычество?

Таким образом, нет греха, который бы, явно или тайно, не заключался в первом грехе прародителей наших. Если когда, то в сем случае имели всю силу слова Апостола: *Иже... согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2:10)*.

Не должно забывать и того, что человек, вкушая от плода запрещенного, видимо, решался не на оскорбление только своего Создателя, а и на собственную погибель, ибо ему прямо и ясно было сказано: *в оньже аще день снете от него... смертью умрете*. После сего простереть руку к плоду значило то же, что простереть ее к своей смерти.

И все это не удержало нас! И на все сие мы решились! И все это мы сделали!.. О солнце, для чего ты не померкло в ту минуту пред праматерью нашей, чтобы показать ей опасность? Земля! для чего ты не сотряслась под стопами ее, когда она простирала свою руку? Древа райские! зачем вы не преклонились до земли и не удержали ее? Древо познания, зачем ты само не обнаружило тайны, в тебе скрывавшейся?

Но что могла сделать неразумная, подчиненная закону необходимости тварь, когда одаренный разумом владыка ее злоупотреблял своей свободой? Ее долг будет разделить с нами несчастные следствия нашего падения; не ее дело было управлять нашей свободой и остановить ее действие. Сего не восхотел сделать Сам Творец. Ибо дав раз человеку свободу, отказавшись, так сказать, в отношении к ней от всякого принудительного всевластия, Он никогда уже не возьмет дара Своего назад.

Великое дело, братие мои, быть существом свободным! Это в некотором смысле значит – быть подобным Богу!.. Ибо, по свободе, каждый человек, самый бедный и последний, может каждую минуту делать то, чего во всю вечность не в состоянии ни разу сделать вся

совокупность существ неразумных, со всей громадностью их сил и разнообразием свойств, – потому что существа сии, яко неразумные, все подчинены закону необходимости и не могут уклониться от того пути, по коему велено идти им. Человек, напротив, каждую минуту может переменять свои мысли и действия, устремляться горе и долу, на десно и шее, следовать истине или лжи, избирать добро или зло. Таким образом, хотя, подобно другим тварям, он создан из ничего всемогуществом Божиим, но вместе с тем сам, посредством употребления своих способностей и сил, может и должен быть как бы творцом своей судьбы.

Познаем же, братие мои, собственное преимущество, возблагодарением пред величием дара, нас украшающего, и престанем расточать сокровище свободы безрассудно. Ибо это дар столь же опасный, как и великий. Мы можем в каждую минуту, по свободе, делать что угодно; но возвратить из сделанного ничего не можем. Всякий поступок наш остается притом не один, а произведет из себя бесконечный ряд действий по виду своему. Каждое благое действие наше во всю вечность будет производить из себя ряд действий благих; а злое – злых и несчастных. Посему на какой поступок ни решаешься ты, человек, помни, что ты решаешься на то, что пребудет вечно. Поступая легкомысленно, и в сей жизни мы уже часто наказуемся жестоко за наше легкомыслие: рады бы иногда отдать все, чтобы возвратить иной поступок, но невозможно. В вечности же, куда мы должны перейти чрез смерть, будем страдать от сего стократ более, ибо взор наш на худость прошедших грехопадений наших сделается несравненно яснее, и чувство отвращения к ним живее. Будем видеть, как грехи наши, подобно нам самим, не умирают, а живут в своих злых последствиях; и между тем не в состоянии будем ничего сделать к уничтожению их. Посему, из жалости к самим себе, будем, братие мои, употреблять свободу воли нашей с крайней осмотрительностью во всем; постараемся притом избегать не одних великих по своему размеру преступлений, но и малых нарушений закона Божия, памятуя, что и первый грех, погубивший всех нас и все вокруг нас, состоял, по внешности своей, не в погашении солнца или луны на небе, а в срывании с дерева и вкушении запрещенного плода. Аминь.

Беседа в пяток 3-й недели Великого поста. На слова: *И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша: и сшиста листвие смоковное, и сотвориста себе препоясания (Быт. 3:7)*

Что это? Уж не говорил ли змий в самом деле правды? Ибо вот, чем угрожал Господь, то по-видимому не сбылось над нашими прародителями; а что обещал змий, то является. Господь сказал: *в оньже аще день снете... смертью умрете*, – а Ева и Адам живы! Змий обещал: *в оньже аще день снете... отверзутся очи ваши*, – и вот, они действительно отверзлись! *И отверзошася очи обема*. Судите посему, как злостро придумано было искушение, когда, и после падения искушаемых, оно все еще как бы оправдывается опытом...

Но, братие мои, если когда и где, то в сем случае не должно останавливаться на поверхности вещей, а надобно проникать в их глубину и сущность. Над прародителями сбылись по-видимому слова искусителя; но в каком виде? В том ли, как обещал он? Совершенно в противном. Змий обещал вместе с отвержением очей человеку ведение Божественное: *отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*. А теперь что видит человек сими своими ново отверстыми очами? Видит одну свою наготу и бедность, то есть видит то, что лучше бы никогда не видеть, и чего прежде, действительно, не видели прародители наши, потому что не были такими, как теперь. *И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша*.

Все же, однако, в сем случае употребляются, скажешь, об Адаме и Еве те же самые слова, кои употреблены змием? Точно, употребляются те же слова. Но в каком смысле? не в том, в каком употреблены искусителем, а в другом, противном. Священное Писание имеет обычай называть отвержением очей у человека то состояние, когда он увидит и заметит что-либо такое, что давно было при нем, только он не видел и не примечал того, подобно как и мы говорим: у меня раскрылись тогда-то глаза, то есть я увидел то, чего прежде не видал и не подозревал, хотя и мог видеть. Особенно же употребляем и мы подобное выражение в случае открытого обмана или хитрости, прежде не примеченной, – опасности, до того не предвиденной, в которую заведены мы кем-либо. В сем-то смысле говорится теперь и о прародителях, что у них, по падении, отверзлись очи; то есть они увидели теперь, куда завел их змий, почувствовали и

приметили, что с ними произошла столь же необыкновенная, как и несчастная перемена, что они хотя те же по видимому, что и прежде, но на самом деле далеко не те, а гораздо хуже, что они – наги: *и разумеша, яко нази беша...*

Примечательно, однако же, что такое отвержение очей и чувство наготы произошло не тотчас по вкушении от плода запрещенного одной Евой, как бы надлежало того ожидать, а теперь, когда вкусил уже от сего плода и Адам. Почему бы это?.. Потому, конечно, что для сего необходимо было полное пробуждение совести; а она не вдруг могла пробудиться с надлежащей силой в душе, занятой удовольствием от исполнения своих страстных желаний. Ева, как мы видели, находясь пред деревом, увлеченная льстивыми обещаниями искушителя, вся, можно сказать, обратилась в вожделение чувственное, которое и ныне, как показывает опыт, помрачает силой своей взор не только умственный, а даже телесный. В таком расположении душевном совести неудобно было скоро начать действовать с силой. В Адаме – напротив: он не был у дерева, не страдал так воспалением души от желания плодов его, не подвергался непосредственному обаянию от беседы змиинной; по тому самому в нем скорее возникает и совесть по нарушении заповеди. Между тем, и праmaterь наша имела уже теперь довольно времени выйти из замешательства душевного и возвратиться к обыкновенному порядку мыслей и чувств. В таком состоянии совесть не замедлила над обоими воспринять права свои; а с возбуждением совести тотчас – *отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша.*

Итак, первое следствие греха в прародителях наших, ими примеченное, было чувство наготы – не боли какой-либо душевной или телесной, а наготы. Если разложить сие чувство на его составные части, то оно дает из себя два ощущения: одно – телесное – ощущение зависимости от внешних стихий, другое – душевное – ощущение внутри себя стыда и смущения. Что в чувстве настоящей внешней наготы участвовал, или паче господствовал, теперь стыд внутренний, видно из того, что Моисей говорил о прежнем состоянии прародителей до их греха: *И беста оба нага... и не стыдятся (Быт. 2:25)*. Значит, теперь устыдились, когда не хотели уже более видеть своей наготы. А что кроме стыда ощущалась теперь вместе с ним и потребность в защите от стихий, это покажет одежда, в которую облечет Господь грешников: ибо она будет, как увидим, не другая какая-либо, а кожаная, то есть способная к защите от перемен воздушных. В противном случае, она была бы слишком тяжела (если бы, то есть, предназначалась к защите только от собственного стыда).

Но откуда столь великая перемена в прародителях наших, что они, не зная прежде своей наготы, теперь не только познали это, а и начали искать способа сокрыть ее? Явно – от греха. Как и чем грех произвел наготу? Тем, что лишил человека присутствия в нем благодати Божией, которая, проникая и наполняя собою все существо его, делала его неприкосновенным и возвышала над всем дольным. Теперь, после преступления воли Божией, Божественной силы сей и пренебесного облачения не стало в человеке: он остался, так сказать, один, сам с собою, и потому недостаточен и наг. Это неестественное и плачевное одиночество должествовало произвести чрезвычайную разность в его положении. Но вместе с лишением через грех благодати произошло в человеке еще другое, не меньшее зло – исчезли единство и порядок в его способностях: тело престало повиноваться душе, воля уклонилась от совести, желания воспротиворечили уму; со всем существом человека произошло то, что бывает теперь с телом нашим во время так называемой болезни расслабления, или онемения телесного.

При таком расчленении своей природы и онемении своих сил, человек лишился даже той мощи, которую он имел в себе по самой природе своей, высокой и богоподобной. поелику же отношение его к миру внешнему и вещам зависело от его собственного отношения к Богу и самому себе, то с превращением последнего отношения тотчас изменилось, по необходимости, отношение к нему и всего внешнего мира. Оставаясь в своей первобытной, так сказать, невинности и благонастроении, все прочие твари и вещи невольно и неизбежно оказались противными и враждебными человеку после того, как он сделался преступен и потому расстроен и бессилен. Отсюда должно было произойти в человеке множество неприятных для него явлений, кои первее всего выразились в нем стыдом и чувством наготы, то есть недостатка и бессилия: *разумеша, яко нази беша. Наги* от благодати Божией, которая невидимо облекала собою наших прародителей, а теперь удалилась от них, как удаляется свет от земли, когда между ею и солнцем станет темное тело; *наги* от своей невинности и чистоты, кои также служили для них покровом, а теперь были потеряны; наги от господства над стихиями и миром видимым, который начинал уже становиться во враждебное отношение к их телесному бытию.

Это новое скорбное чувство лишения и наготы было так сильно, что злополучные прародители немедленно начали искать средств, если не избавиться от него совершенно, то уменьшить его силу каким-либо прикрытием своего тела. *И сшиста... себе препоясания.* Не целую одежду,

которой вдруг неудобно было и составить, а одно препоясание, для коего веществом могли служить листья тех же деревьев райских. Такая одежда удовлетворяла, по крайней мере, тому, что при чувстве наготы телесной казалось наиболее требующим покрова. До такой скудости и умаления дошел вдруг богоподобный владыка земли! Смотри умственно на Адама и Еву, как они поспешно рвут листья древесные и неопытными еще в сем деле руками творят себе, смущенные, препоясания, нельзя не воздохнуть горько и не восплакать о их злополучном жребии: ибо это малое препоясание вполне выражало собою всю глубину их падения.

Между тем, видите ли, братие мои, откуда произошли все наши одежды? Это – следствие нашей нечистоты и преступления воли Божией! Это плод нашего слепого послушания змию и безумной вражды с Богом. Это – всегдашний с тех пор траур по нашему первобытному состоянию невинности и блаженства! А мы, неразумные, забыв все это, позволяем себе тщеславиться одеждой; обратили в предмет отличия и гордости то, что должно служить для нас всегдашней укоризной! Ах, отличатся множеством одежд не то же ли значит, как и тщеславиться множеством знаков нашего рабства, наших немощей, нашего грехопадения? Прародители, облакаясь потом в одежду, без сомнения, всякий раз вспоминали со вздохом о том блаженном состоянии, когда они были наги и не стыдились. Так бы надлежало поступать и всем нам. Когда поутру надеваешь на себя одежду, приводи себе на память первый грех наш, который сделал ее для тебя необходимой. Когда вечером слагаешь ту же одежду, преносись мыслью к будущему воскресению из мертвых, когда паки не будет нужды ни в каком одеянии. От сего сугубого постоянного воспоминания верно умалится, если не исчезнет совсем, несчастная охота твоя к безрассудному щегольству платьем: ты будешь употреблять его, как печальную необходимость, и престанешь искать отличия в том, что для всех нас должно служить к стыду и в укоризну.

Посмотрим теперь на другую сторону нашего предмета. Обещание искусителя, как мы видели, не сбылось ни мало, а последовало противное тому; но не сбылась по видимому и угроза Божия, ибо сказано было: *в оньже аще день снете от него... смертию умрете*; а прародители наши, хотя и подверглись чувству наготы, хотя и ниспали в очевидно худшее состояние, но остались, однако, живы и не умерли. Даже будут оставаться на земле в десять раз долее, нежели сколько живут теперь самые долговечные из нас – их потомков. Что же значит все сие, и как примирить это с истиной?

Весьма не трудно, если опять вникнуть со вниманием и в слово

Божие, и в самое дело. Не без причины, конечно, сказано в угрозе Божией не просто «умрете» или «потеряете жизнь», а: *смертию умрете*, чем прознаменуется какое-то как бы обилие, разнообразие и продолжительность смерти. Прародители наши, в сообразность многочастному составу естества человеческого, действительно имели подвергнуться за преступление свое не одной, а многим смертям, из коих одна следовала за другой и как бы выходила из предшествующей, доколе не оканчивалось все гробом и тлением. Так, духу человеческому предстояла своя смерть, душе – своя, телу, наконец, также своя, но каждой части, сообразно значению ее в составе человека, предстояла смерть в особенном виде, и не в одно и то же время, а последовательно и преемственно. Посему смерть духовная, самая главная и страшная из смертей, ибо из нее уже происходили все прочие, – последовала тотчас по преступлении, не только в тот же самый день, но в то же мгновение: ибо человек-грешник, преступив заповедь Божию, тогда же умер в духе для жизни в Боге, лишился благодати и с нею высшего начала своей деятельности, престал дышать Духом Божиим, потерял истинное блаженство и жизнь вечную. Смерть в душе человека также не замедлила показать своего страшного лица тем, что все способности душевные разъединились, превратились, ослабели и как бы замерли: в уме и понятиях явились мрак и неведение, в суждениях – колебание и неправильность, в воображении – безобразие и расстройство, в памяти – забвение и смешение понятий, в чувстве – страх и недовольство, в пожеланиях – нечистота и порча. Тело человека, яко грубейшая часть существа его, менее по видимому обнаружило свою порчу и смертность, но тотчас, однако же, обнаружило уже тем, что потребовало одежды для защиты, – знак, что над ним начала уже свое действие какая-то сила враждебная и разрушительная. Таким образом, человек весь – от духа до тела, от высших сил и способностей до самых низших – подвергся владычеству смерти, сообразно угрозе Божией, тотчас по своем преступлении; только сие владычество, по самой обширности его, обнаруживалось не везде и во всем вдруг, а постепенно.

Для большего уяснения сей истины вообразим, что кому-либо угрожали за известное преступление немедленным пожаром его дома, и пожар, действительно, начался бы тотчас по его преступлении, только продолжался бы не один день, а несколько, потому что здание, по огромности его, не могло сгореть в один день: скажет ли кто-либо после сего, что угроза не исполнилась? Подобное сему было и с нами: созданная по образу Божию природа человеческая заключала в себе так много, что

смерть, при всей лютости ее, не могла вдруг равно проникнуть во все составы ее и овладеть всеми частями до того, чтобы тотчас обратить самое тело паки в землю, от нее же взято.

«Но все же, – скажет еще кто-либо, – угроза Божия смертью, *в оньже аще день снете от него*, как будто не исполнилась над нами во всей силе; все мы как будто пощажены за что-либо, и нам дана как бы некая рассрочка в уплате оброка за грех, то есть смерти». Пожалуй, если тебя не удовлетворяет вышесказанное, то и мы готовы с удовольствием согласиться, что с нами при сем случае не поступлено со всей строгостью (и что было бы с нами в противном случае?). Только это снисхождение к нам нисколько не служит к нареканию на истину слов Того, Кто угрожает нам смертью. Ибо причиной снисхождения была не слабость угрожавшего, якобы Он не мог выполнить Своей угрозы (долго ли было лишить жизни двух человек, когда и ныне каждый из нас может отнять ее у всякого?), а другая, совершенно другая. Какая? Та, что в ту же самую минуту, когда мы, вкусив от древа и преступив заповедь, потому подверглись было смерти, в ту же, говорю, минуту явился за нас Ходатай и Защитник, такой Защитник, коего гласу нельзя было не внять самому правосудию Божию, потому что Он не просто ходатайствовал за нас, как делают люди, не просил только и умолял, а всецело воспринял на Себя наш грех и наказание за него, то есть нашу смерть. Вы знаете, братие мои, Кто сей великий Защитник и Благодетель наш: это Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, сей, как именуется Он у святого Павла, второй Адам, так благотворно заменивший Собой для всего рода человеческого Адама первого. Он-то, говорим, принял на Себя, еще в Едеме, и наш грех, и нашу смерть, дабы потом, в скончание времен, явившись на земле по плоти, взойти за нас (как и взошел) на Крест, и смертью Своею умертвить на нем как грех человеческий, так и смерть человеческую, да избавившись, как говорит Апостол, от греха и проклятия, правдою поживем (Рим. 6:8–13).

После такого, совершенно с нашей стороны неожиданного, всемогущего и крайне благодетельного для нас посредничества, естественно должно было уже все измениться в судьбе нашей. За снятием с нас преступления едемского сама собою снималась и казнь едемская: смерть посему не имела уже над нами прежнего своего неотразимого права, ибо грех наш, перейдя на Ходатая и Искупителя нашего, терял в отношении к нам свою обвинительную силу. Вследствие сего, мы могли бы даже вовсе быть освобожденными от смерти телесной, если бы она не была нужна для нас же самих со многих других сторон, а всего более для

того, дабы служить обузданием нашей чувственности, преградой нашим страстям, и чтобы в противном случае, то есть когда бы грех не пресекался в человеке смертью, зло, как выражается святитель Григорий Богослов, «не стало бессмертным». Посему оставленная для нашего же блага смерть есть теперь для верующих в Искупителя не столько наказание, сколько ограда, помощь и врачевство: ею полагается конец всем недостаткам и горестям нашего узнического бытия на земле; ею довершается в недрах земли очищение природы нашей, зараженной ядом греха; ею, наконец, душа наша как бы возвращается к первоначальному источнику своего бытия, Богу, дабы от Него, в свое время, снова принять вместе с телом полное пакибытие, жизнь и блаженство вечное.

Падем же, братие мои, пред Искупителем нашим и возблагодарим Его за величайшее благодеяние, оказанное всем нам еще в Едеме, возблагодарим и будем памятовать, Кому все мы обязаны жизнью после того, как подпали было за грех владычеству смерти. Аминь.

Беседа в среду 4-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:8–13

И услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни: и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога посреде древа райскаго. И призва Господь Бог Адама и рече ему: Адаме, где еси? И рече Ему: глас слышах Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся. И рече ему Бог: кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси? И рече Адам: жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох. И рече Господь Бог жене: что сие сотворила еси; И рече жена: змий прельсти мя, и ядох (Быт. 3:8–13).

Как ни велико было преступление прародителей наших, как ни глубока бездна, в которую с высоты богоподобия низринул нас враг искуситель, но если бы бедственное состояние наше было немедля осознано и понято нами, как должно, если бы вместо бегства, скрытности и извинений мы сами поспешили явиться пред Господа, исповедали пред Ним искренно свои грехи, пали со смирением и любовью к стопам Его и предали бы судьбу свою в волю Его Препллагаго, – то, без сомнения, нам отпущено было бы многое из того, что теперь, хотя и не ко вреду, а к пользе нашей, так сильно тяготеет над нами. Ибо если истинное раскаяние и вне рая преклоняет гнев Божий на милость и производит чудеса милосердия, то чего не могло бы оно произвести, принесенное в раю, у древа жизни, тотчас по падении, когда яд греха не успел еще проникнуть в нас всецело и соделать рану нашу такой лютой и злокачественной? Исправительное наказание за грех, конечно, не могло быть снято с нас вовсе; но, по всей вероятности, наложено было бы на нас не в настоящем его, таком грозном и удручительном виде, а в другом, более легком и тихом, так что, может быть, нам дозволено было бы всю епитимию нашу за грех понести и совершить не на сей преданной проклятию земле изгнания, а среди того же рая сладости.

Но, увы, мы и чувствовали, по-видимому, грехопадение свое и не чувствовали; не хотели уже более внимать змию, но не желали видеть и Господа; стыдились наготы телесной и как будто ни во что ставили наготу духовную; сознавали, что с нами худо, что мы лишились многого, но все еще думали помочь страшной беде своей собственным умом и усилием!.. *И скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога посреде древа райскаго.*

Таков, братие мои, до сих пор каждый грешник! Таковы все мы! Чтобы почувствовать всю гнусность своих грехов, для сего мало нашей, самой тонкой по видимому чувствительности, а потребна особенная благодать Божия. Без сего, как бы ни были мы обременены грехами, чтобы даже ни терпели от них в своих делах и жизни, в нас никогда не явится истинного чувства раскаяния. Будем сознавать и говорить, что мы грешники, будем являться по временам пред служителем алтаря и хладнокровно, а иногда и со слезами, рассказывать о своих падениях, – но не достигнем того сокрушения о своих грехах, того покаяния, как выражается апостол, нераскаянного во спасение, которое состоит в невозвратном отвращении от прежних путей беззакония и в несовратимом шествии до конца жизни по стезям заповедей Господних. Ибо одно из самых губительных свойств греха состоит в том, что он ослепляет наш ум, ожесточает сердце и делает его нечувствительным к истине и добру. Чтобы изменить нас в сем отношении, чтобы отнять у нашей души это бесчувствие и онемение, для сего потребно действие Того, Кто есть *болий сердца нашего* (1Ин. 3:20), может, как выражается слово Божие, *от камня воздвигнути чада Аврааму* (Лк. 3:8).

Судя по такому свойству греха и по тому, что прародители хотят теперь сокрыться от лица Божия, нельзя не вывести того печального заключения, что если бы Господь не явился им по падении, а предоставил их самим себе, то они, может быть, и никогда, по крайней мере долго, не пришли бы в полное сознание своего греха, не подумали бы обратиться с покаянием к своему Создателю. И что было бы тогда? Яд греха, не остановленный в действии исповедью и покаянием, проник бы природу нашу еще более и глубже; а за сим, по необходимости уже, потребовалось бы для исправления нашего еще большее наказание и горчайшее врачевство.

Но благ и милосерд Господь наш: является *не ищущим* Его и обретается *не вопрошающим* о Нем (Ис. 65:1). Так поступил Он с нами еще в Едеме, показуя Своим примером, как должно поступать и нам, когда согрешит кто-либо против нас. *И услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни: и скрыстася... посреде древа райскаго*. Напрасно, основываясь на сем, так сказать, бегстве прародителей от Господа, подумал бы кто, что явление Его сопровождалось чем-либо страшным и поражающим: нет, хотя забытый, презренный и промененный, так сказать, на змия, Творец и Благодетель имел все право явиться теперь, облекшись ужасом и грозой, но подобного ничего не было. Явление Господа и теперь было так же кротко, благо и просто, как прежде, и имело весь вид

посещения дружеского. Чтобы не привести в ужас бедных и трепещущих уже от своего жалкого положения грешников внезапно явления, Господь является даже не вдруг, а предваряет свое свидание с ними хождением в раю, то есть в некоей дали от того места, где находились прародители. *И услышаста глас Господа Бога ходяща в раи.*

Глас Господа Бога. Не членораздельный, как может подумать кто-либо, голос, ибо беседа начнется после, – а некий шум, происходящий – от движения, к коему Адам и Ева уже до того привыкли, что тотчас могли распознавать и отличать его от всего прочего. Между тем обстоятельство сие, равно как и следующая за ним беседа Божия с ними, достаточно показывают, что настоящее Богоявление происходило в образе человеческом. поелику же из трех лиц Божества всего свойственнее было принять сей образ Тому, Кто на самом деле имел некогда облечься плотию, то есть Сыну Божию, то не без основания, можно сказать, что мы были допрашиваемы и судимы в раю не другим кем, а Самим Искупителем нашим, и, следовательно, не столько судимы и осуждаемы, сколько, как увидим, щадимы и милуемы.

Святой бытописатель указывает еще при сем на самое время Богоявления, говоря, что оно последовало по полудни, или, точнее с еврейского, «в прохладе дня», что обыкновенно бывает в знойные дни под вечер. Господь явился и не вдруг по падении, дабы падшие имели время прийти в чувство и размыслить о своем поступке, и не долго спустя, а в тот же самый день, дабы не дать погрузиться им в бесчувствие и нераскаянность. Отовсюду видны были любовь к нам и милосердие!

Но, увы, грех, соделав нас недостойными любви Божией, в то же время отнял у нас способность чувствовать ее цену и наслаждаться ею. *И услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни: и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога посреде древа райскаго.*

Скрыстася, – то есть нарочно удалились в чащу дерев от того места, которое служило им обыкновенным пребыванием, и где находил их дотоле Господь. Думали, что Он поищет их, не найдет и возвратится на небо. До того затмилось от греха в душе понятие о совершенствах Божиих, что на Вездесущего, потому только, что Он был теперь в ограниченном образе, взирали яко на обыкновенного человека, от коего можно убежать и скрыться. «Ибо таков обычай согрешающих, – замечает святитель Златоуст, – что они хотя и не могут сокрыться, однако сокрытися тщатся».

Надлежало посему взыскать заблудших: *и призва Господь... Адаме, где еси?* Глас кротости и дружелюбия – прежнее имя: *Адаме* – и прежняя любовь: *где еси?* Можно бы сказать: где ты, преступник заповеди? куда

бежал от стыда и казни, тебя ожидающих? Но ничего подобного, даже и похожего на то, не было. Вопрошающий как будто не ведает о происшедшем; пришел не обличать и судить, а только навестить своего любимца и друга; хочет видеть его, побеседовать с ним, оставить ему, может быть, новый знак любви и благорасположения; и, не находя его дома, ищет и спрашивает: *Адаме, где еси?* – где, в каком ты месте? А еще более: в каком ты состоянии? с тобою произошло что-то особенное, притом нерадостное, Я всегда заставал тебя на своем месте; ты сам, бывало, спешил ко Мне навстречу; теперь другое – прихожу и не вижу тебя: что с тобою? *Адаме, где еси?* «Так глубоко было падение наше, – замечает при сем случае один святой отец, – что самое всеведение Божие как бы потеряло нас из виду и принуждено вопрошать: где мы?»

На такой глас уже нельзя было не отозваться. И вот, Адам и Ева исходят пред Господа из среды древ райских, но исходят с препоясанием – не по одному телу, а еще более по душе; то есть с несчастным запасом извинений и отговорок, кои отнимут, как увидим, едва не всю цену у их самопризнания во грехе. Чтобы не показаться убегающим от Самого Бога по личному отвращению от Его присутствия, Адам спешит объявить причину своего удаления от лица Божия и говорит, что причина сия в нем самом и есть ни что иное, как страх от своей наготы: *глас слышах Твой и убояхся, яко наг есмь... Убояхся,* – наготы надлежало более стыдиться, нежели бояться; но Адам приходит от нее в страх, обнаруживая сим, что чувство наготы соединено в нем с чувством нарушения заповеди. Примечательно также, что хотя сокрывался не один он, а с Евой, но упоминает только об одном себе, как бы Евы вовсе не было с ним. Так скоро грех успел уже породить в человеке «самость», заключить его любовь и попечение в одном себе и разъединить с самыми первыми ближними. То же самое увидим и далее – Адам и Ева будут извинять только каждый себя одного, даже слагать вину свою друг на друга, не жалея никого, кроме себя.

Убояхся, яко наг есмь, и скрыхся. Если я, как бы так говорит Адам, не поспешил к Тебе навстречу, то это было не по недостатку усердия, не по нежеланию видеть Тебя; нет, причина сего не в Тебе, а во мне: я наг, мне стыдно и страшно в таком виде явиться пред Тобою: *убояхся, яко наг есмь, и скрыхся.* То же самое, хотя о сем и не говорится, было, без сомнения, и с Евой.

Но, признавая в себе таким образом следствие греха, Адам медлит однако же признать самый грех. Что бы сказать (что случилось, если бы он сказал – ред.) прямо: я сокрывался потому, что наг, а наг потому, что вкусил

от дерева, преступил заповедь Твою? Сего чувства, сей полной откровенности не было: до самого конца останемся непризнательны, неискренни и нераскаянны!

Подивимся же, братие мои, долготерпению Господа. Несмотря на такую неискренность, Человеколюбец все еще помедлит обличать и осуждать нас, и новым кротким вопросом даст нам время одуматься, прийти в чувство, раскрыть добровольно свои раны и просить на них врачевства. *И рече ему Бог: кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от дерева, егоже заповедал тебе сего единого не ясти, от него ял еси?*

Кто возвести? от Меня ты не слышал сего, сам не знал о сем, в раю некому было сказать этого, как же ты узнал, что ты наг? Одно было средство к тому: не вкусил ли ты от дерева запрещенного?

После указания на дерево нельзя уже было скрывать греха; и вот, уста трепещущего прародителя нашего разверзаются, наконец, для исповеди; но самолюбие и ложный стыд тотчас портят ее суетным извинением: *и рече Адам: жена, юже дал ми еси... та ми даде от дерева, и ядох.* Видите по самой расстановке слов, где поставлен грех? В самом конце – *ядох*, а спереди и вблизи: *жена, за нею – Тот, Который дал ее... И для чего все это? Дабы показать, что если Адам и согрешил, то невольно; если в происшедшем и есть какая-либо вина, то общая, часть коей падает на Самого Бога. Жена, юже дал ми еси со мною, та ми даде от дерева, и ядох.* Я сам, как бы так говорил прародитель, и не думал преступать заповеди; но явилась жена, та самая, которую Ты мне привел и назвал моей помощницей, подала мне плод запрещенный, и я съел. Как было, подразумевалось, не съесть поданного из таких рук? мог ли я думать, что погибну от той, которая дана Тобою?

Но, злополучный праотец, разве жена была дана тебе в руководители? Разве повелено слушать ее, когда бы она подала и плод запрещенный? Она слышала о заповеди из твоих уст, и могла еще, пожалуй, думать, так ли она (заповедь) выслушана тобою, как должно, и понят ли истинный смысл ее? Ты, напротив, сам принял заповедь прямо от Бога, и потому не мог иметь в ней никакого сомнения. А между тем, поступил так же легкомысленно, как и она, тебя во всем слабейшая.

Подобного, однако же, ничего не было сказано Адаму; а поелику он ссылался на жену, то речь обращена к ней.

И рече Господь Бог жене: что сие сотворила еси? Для чего и сама вкусила, и мужа склонила к тому же, впад таким образом в сугубое преступление заповеди? *Что сотворила?* чувствуешь ли, как важен проступок твой? видишь ли бездну, в которую зашла сама и завела мужа?

Что сотворила еси?

И рече жена: змий прельсти мя. И я, то есть, не сама задумала зло, а введена в грех другим. Вольно же – подразумевалось – позволять змиям брать на себя вид таких злохитрых искусителей и говорить такую обольстительную ложь...

Открыто, таким образом, Адамом и Евой то, чего нельзя было уже скрывать далее; но открытое опять тотчас старались закрыть обвинением других. Выходило, – хотя прямо того и не говорили, – что если виноваты Адам и Ева, то не прав и Сам Законодатель.

Сами чувствуете, братие мои, как неприлично было поступать нам таким образом по преступлении заповеди Божией? Это значило как бы заводить некоторым образом спор и хотеть препираться с Самим Богом, якобы мы были невинны. Но где эта невинность? Самая нагота наша, страх наш не давали ли уже нам знать, что мы были и совершенно виновны, и совершенно безответны? Между тем, такая нераскаянность наша вполне обнаруживала, как необходимо было для нас наказание. Иначе что бы могло образумить нашу гордость и обратить нас к смирению и покаянию?

Творец и Благодетель наш не будет оправдываться пред прародителями нашими (это было бы недостойно Его величия), а в самом наказании покажет им, что оно не столько зависит от Его произвола, сколько само собою прямо выходит из их преступления. – Это мы увидим в следующий раз. А теперь обратимся к себе самим и посмотрим, не поступаем ли и мы в подобных обстоятельствах так же, как прародители наши.

И к нам, недостойным, после каждого нового грехопадения является, можно сказать, Сам Господь; и нас, падших посреди рая, еже есть Церковь Христова, взыскует Он то внутренним гласом совести, то внешним вещанием духовных пастырей наших; извнутри, говорю, и совне грешник, если не закрывает слуха своего, всегда может слышать древний глас: *Адаме, где еси?*

Как же отвечаем мы на милосердие Господа, нас взыскующего? Увы, многие, подобно прародителям, явно убегают в сем случае от лица Божия и сокрываются; и если бы еще, подобно им, сокрывались в чаще древ райских! нет, убегают, можно сказать, в чащу древ адских, то есть в тьму своих гордых и нечестивых помыслов и дерзких мудрований о Таинстве Покаяния и Исповеди. «Зачем я пойду на исповедь? – говорят нагло таковые. – Кому какое дело до моих грехов? Хочу, раскаюсь в них; не захочу, останусь таким, как есмь. Мои грехи, – мое и дело». Откуда такой несчастный образ мыслей, как не из ада, как не от духа злобы, этой

древней гордыни, которая потому и неисправима, что не знает смирения и исповеди? Увы, бедный грешник, нас с тобою тревожит то, что нами занимается, о нас печется Сам Бог!.. И как же бы, скажи, Творец мог забыть и оставить Свое творение, в коем Его образ? Сними с себя, если можешь, сей образ и тогда говори, что никому нет дела до твоих грехов. И не ты ли взыскиваешь строго с слуг твоих за неисполнение твоих, часто безумных, повелений? Господу ли неба и земли не требовать у нас отчета в исполнении Своего закона, в коем заключены и Его слава, и наше собственное блаженство?

«Но я вижу во время исповеди пред собою не Бога, а подобного мне человека!» А разве бы тебе лучше, если бы предстал для суда над тобою Сам Бог? Не растаял ли бы ты с твоей греховной нечистотой от неприступной славы Вседержителя? Моисей и Илия не могли взирать на явление Его; Ангелы и Архангелы закрывают от Него лица свои; а мы нашими больными глазами хотим смотреть прямо на это Солнце? Пред тобою в Таинстве Исповеди человек, тебе подобный; но он послан от Бога; ему дано право вопрошать тебя и произнести суд над тобою. И какой суд? Не казни, которую мы стократ заслужили, а милости и прощения. И после сего мы будем медлить принять собственное спасение?

Другая, большая часть из нас, волей и неволей, является, подобно Адаму, пред Господа, то есть приходит ежегодно на исповедь; но с чем? Не с действительным раскаянием в грехах, не с сердцем сокрушенным и духом смиренным, а с нечувствием и хладностью, с извинениями и отговорками, с явным почти желанием сокрыть свой грех, если бы то было возможно, не только от духовника, – от Самого Бога! Признают, подобно прародителям, свои грехи; но не чувствуют и не видят, что в сих грехах пагуба душевная и вечная смерть. Говорят: «согрешил – прости», – но не из глубины сердца, а по одному обычаю и уставу; дают обещание избегать грехов, но без внутренней твердой решимости выполнить обещанное. Ссылаются в извинение себе то на свое сложение и природу человеческую, то на обстоятельства и положение свое в свете, то на примеры других людей. Как будто бы существовал какой грех, от коего нельзя было удержаться при помощи благодати Божией! Как будто бы собственная польза наша не требовала оставить, если то нужно, все самое любезное, решиться на жертвы, самые тяжкие, только бы не погубить души своей и не лишиться блаженной вечности!..

Престанем же, братие мои, поступать таким образом, дабы, в противном случае, самое врачевство, то есть Таинство Покаяния, не обращалось во вред и не служило к ожесточению наших душевных ран и

недугов. Сбросим с себя все смоковничные препоясания; явимся пред Господа, нас взыскующего, во всей наготе греховной, и да речет каждый: се аз и несчастные дела мои! нет у меня извинения о гресех моих; мог я избежать соблазна, или устоять против него; мог, если бы захотел пребыть верным закону Твоему; и если падал стократно, то от самого себя, от моего легкомыслия, от моей злобы, от произвольной нечистоты в мыслях и чувствах, оттого, что не употреблял, безрассудный, тех средств, кои в избытке даны и указаны мне к ограждению себя от греха и соблазна. Чувствую всю тяжесть вины моей и возвергаю надежду на единое милосердие Твое: помилуй мя падшего! Отселе я столько же возлюблю закон Твой святой, сколько любил прежде беззаконные удовольствия плоти и мира; так же буду внимать совести, как слушался доселе страстей своих. Точию Ты не лиши меня милости и благодати Твоей, и укрепи на камени заповедей колеблющиеся стопы мои! Твой есмь отныне аз, спаси мя! Аминь.

Беседа в пяток 4-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:14–15

И рече Господь Бог змию: яко сотворил еси сие, проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных: на персех твоих и чреве ходити будеши, и землю снеси вся дни живота твоего: и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем тоя: той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будеши его пяту (Быт. 3:14–15)

В прошедший раз мы видели, братие мои, как совершился допрос виновным прародителям нашим, как Вездесущий благоволил, яко един от нас, искать их в Едеме и вызвать из среды древ райских; как Всеведущий являлся, яко ничтоже ведый о происшедшем с ними, да не приведет их в смущение и предрасположит к искреннему исповеданию пред Ним греха своего, в надежде на помилование. Хотя прародители наши, по неразумию, от греха происшедшему, не употребили во благо сего благоснисхождения Божественного, но во всем этом, тем не менее, была бездна любви, великодушия и долготерпения к нам, недостойным. «Ибо много ли владык на земле, – вопрошает святитель Иоанн Златоуст, – кои сами приемлют труд расспрашивать подсудимых преступников? А здесь Царь неба и земли, Владыка Ангелов и Архангелов, оставив престол славы, ищет убегающего от Него грешника и предлагает столько вопросов там, где довольно бы сказать одно слово: ты – преступник, се казнь твоя! Во всем этом, – продолжает святитель Златоуст, – Господь подает пример, как нам должно поступать с виновными: не предаваться, то есть, безрассудно порывам гнева, позволять им говорить все, что могут, в свое оправдание, не оскорбляться, если они, по сродной грешнику склонности к лукавству, сокрывают даже что-либо из дела, или представляют его не так, как оно было; вообще беседовать кротко, памятуя, что мы все таким же образом сами будем вопрошаемы и судимы в раю Господом.

Между тем, судя по такому великодушью в допросе виновных, надлежало ожидать, что и змий-искуситель не осудится и не накажется – невыслушанный. Но его вовсе не спрашивают, а прямо подвергают казни: *и рече Бог змию: яко сотворил еси сие, проклят ты от всех... зверей земных.* Откуда сия неожиданная суровость? От внезапно воспламенившегося в Судии гнева, который (как бывает нередко между нами), заставил забыть безпристрастие и кротость? Всего менее. Ибо и при этом наказании мы увидим в Судии то же величественное спокойствие и благость, какие видели прежде. Если змий не вопрошается, то потому, что,

яко животное неразумное, он сам по себе не мог ни замыслить зла, ни искушать кого-либо; искушал в змие и заставлял его клеветать и лгать дух злобы, который, достигнув своей цели, вышел теперь из него; после чего змий, как животное, сделался вовсе неспособным к ответу.

Оставалось посему подвергнуть допросу не змия, а диавола, действовавшего в нем на пагубу человека; но и он не вопрошается: почему? потому, без сомнения, что Всеведущий не провидит в нем никакой надежды к обращению. В таком разе не для чего было, скажем словами Священного Писания, повергать бисер перед свиньями; оставалось токмо поразить нераскаянную гордыню казнию. Но как поразить?.. Человекоубийца во время искушения нисколько не был виден; он действовал не прямо, а из-под завесы; перед очами Евы был один простой змий с искушением; от змия, ни от кого более, производил, конечно, в своем уме искушение и Адам. Сообразно с сим и на предстоящем суде Божиим дело сие будет оставлено в том виде, как оно происходило по внешности: главному виновнику зла попустят остаться невидимым во тьме, ему сродной; завеса, его сокрывшая, уцелеет, но не уцелеет за ней он, лукавый и всезлбный; слово суда и казни хотя произнесется, по-видимому, над одним змием чувственным, но, падая одной стороной на животное, в то же время – через него – будет всецело достигать духа злобы и паразит его смертельно в самую главу.

Посему, для полного уразумения казни, изрекаемой теперь змию, надобно представлять себе в уме, что слова, к нему обращенные, относятся не к нему одному, а вместе с тем и к змию духовному, или диаволу.

И рече Бог змию: яко сотворил еси сие; поелику ты дерзнул восстать против человека, образа Моего и твоего повелителя, дерзнул клеветать перед ним на Меня Самого, и лживыми обещаниями увлек его к преступлению Моей заповеди, то проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных, мирное царство коих унижено и посрамлено тобой навеки. Хотя неволью и одушевленный чуждою силою, но поелику ты взялся за то, что превыше тебя и представлял из себя в одно и то же время и клеветника и учителя, то отседе ты будешь последним из существ, движущихся по земле, и яко отребием всего живущего. У всех тварей отнимется часть совершенств, вследствие падения общего владыки вашего, но у тебя более всех, так что самые неразумные животные будут чуждаться тебя, как изверга: проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных!

Действительно, у всех прочих животных есть между собой взаимные сообщения и связи, нечто похожее на любовь и дружбу; у одного змия нет ни с кем подобного. Все живущее или преследует его, или бежит от него.

На персех твоих и чреве ходити будеши, и землю снеси вся дни живота твоего, то есть ты не поднимешь более главы для льстивых беседований и клевет на твоего Создателя; самый образ движения твоего покажет всем, что ты существо низринутое и отвергнутое. Не будешь более предлагать в пищу и плодов запрещенных, сам питаешься брением и гниlostью.

Наказание сие показывает, что змий в первобытном состоянии имел некоторые качества, коих теперь нет в нем, – что он двигался и питался не так, как движется или, паче, пресмыкается и питается теперь.

И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем той: той твою блюсти будет главу, и ты блюсти будеши его пяту, то есть, если примем пока слова сии в смысле только буквальном, как бы так говорил змию Господь: вместо неестественной близости, в которую нагло вошел ты с женой неопытной, отныне так сделаю Я: начнется между человеком и тобою вечное взаимное отвращение и брань. Все рожденное от жены будет враждебно змию, и всякое порождение зминое будет враждебно для человека. Не имея возможности сделать большого зла, ты будешь блюсти за пятою человеческою, чтобы ужалить ее; а человек будет сокрушать самую главу твою.

Всегдашний опыт удивительным образом подтверждает все сие, братие мои. И все твари вышли, более или менее, из повиновения падшему человеку; некоторые сделались даже опасны для него, по своей силе и ярости; но ни к какому животному нет у человека такого естественного и непреодолимого отвращения, как к змию; один вид его уже возбуждает отвращение и страх; змий противен даже на картине. Все это тем примечательнее, что есть немало змей вовсе не ядовитых; есть змеи, отличающиеся красотой своего вида и своим убранством. С другой стороны, и змий ни от кого так не бежит, как от человека, хотя бы и не был преследуем. Особенно змий, как еще примечено древними, боится человека нагого, как бы памятуя первобытное состояние наше в раю.

Так наказан змий! Наказан и змий чувственный, потому что был орудием, хотя и невольным, нашей гибели, наказан для того, чтобы служить отселе для всех видимых символом гнева Божия за лукавство и гордость. Любовь Отца Небесного поступила в сем случае по обычаю отцов земных, кои, в избытке горести, проклинаят и преломляют тот меч или нож, коим отнята жизнь у их любимого сына.

Но мы сказали, что в наказании змия чувственного заключались суд и казнь змия духовного – дьявола. Каким образом? Тем, что под каждым

словом, изрекаемым на змия, содержится острая и неотразимая стрела против диавола.

Змий видимый низводится на последнюю степень в ряду живых тварей, делается предметом всеобщего отвращения и проклятия; змий духовный, диавол, вследствие настоящего – нового преступления его в Едеме – низвергнется теперь еще глубже, нежели чем когда упал низринутый некогда с неба. Проклятие всех новопроизведенных и подчиненных человеку тварей, обременив их на время, все, наконец, со всего искупленного вместе с человеком мира, перейдет на его главу, вследствие чего он, яко зло более нетерпимое, извергнут будет из светлого сонма облаженствованных тварей Божиих вон – в *езеро огненное* (Откр. 19:20).

Змию видимому суждено пресмыкаться по земле и питаться брением; змий духовный должен отселе пресмыкаться в преисподней, питаться грехами и тлением человеческим, – питаться и не насыщаться, поглощать, по-видимому, на время, устами смерти, некие жертвы, но с тем, чтобы в день воскресения паки возратить все поглощенное великому Победителю смерти и ада.

Глава змия видимого осуждена быть целью ударов чувственных; глава змия невидимого поставлена в цель ударов духовных. Диавол мнил через грех сроднить с собой навсегда весь род человеческий, и таким образом поработить его своему темному владычеству; но вместо покорства встретил жестокую брань со стороны человека. От семени той же жены, которую обольстил он, непрерывной чередой будут восставать дивные ратоборцы на его поражение. Авель поразит его невинностью и чистотой. Енох – постоянным хождением пред Богом, Ной – упованием, Авраам – верой, Моисей – кротостью и смирением, Давид – необыкновенным покаянием, Иеремия – слезами, Креститель – постом и уединением. Наконец, явится обетованное Семя Жены, явится второй Адам, Господь с небесе, и родившись именно от одной только Жены, без мужа, всеконечно сокрушит самую главу адского змия крестом, разрушив державу греха и смерти, которую мнил он основать на падении человека.

Уразумел ли все это враг наш?.. Понял ли всю силу и лютость казни, его ожидающей? Едва ли... иначе не явился бы с такой наглостью для искушения второго Адама в пустыне Иорданской. Слишком много событий надлежало провидеть, дабы уразуметь вполне, что изрекалось теперь; и главнее всего надлежало предвидеть то, что, как чудо любви Божественной, выходило из всех пределов вероятия, то есть чтобы милосердие Божие к падшему человеку простерлось до того, что Сам

Единородный Сын Божий, оставив славу, *юже имех у Отца прежде мир не бысть* (Ин. 17:5), явится на земле в образе человека, соединит Свою судьбу с нашей судьбой, примет на Себя не только плоть, но и грехи наши, вознесет их с Собою на крест, претерпит смерть и сойдет в самый ад, дабы таким образом, возглавив Собою *всяческая* (Еф. 1:10), соделаться владыкой не только жизни, но и смерти, самого ада. Мог ли, ослепленный гордостью и злобой Денница вместить в своем уме мысль о таком чуде любви и смирения?

Тем труднее было нашим прародителям войти тогда же разумением во всю глубину суда и казни над змием. Но в этом, на первый раз, не было и нужды. Произнесенное в слух их наказание коварного обольстителя, хотя бы сначала и не понятое ими вполне, – особенно с таинственной его стороны, – тем не менее достигало в отношении к ним своей цели. Предваряя собою их собственное наказание, оно долженствовало служить им в ободрение, показуя, что Господь дорожит ими и после их падения, и все еще продолжает взирать на них, яко на Свою собственность. Полагаемая Самим Богом вражда между человеком и искусителем давала знать прародителям нашим, что они не переданы в беззащитную жертву злой и враждебной силе, низринувшей их с высоты невинности и богоподобия, что, несмотря на постигшее их бедствие, у них осталась возможность восстать от своего падения, стать противу врага, сразиться с ним и победить его, заемля (заимствуя) для сего и силу и средства от Того, Кто является теперь не только Судией их, но и Отмстителем за них. Впоследствии, когда очи прародителей более очистятся слезами покаяния и просветлеют верой и упованием, без сомнения, открыто будет им и более, как о благословенном Семени Жены, так и о тлетворном семени змия; яснее укажется, кто враг их и Кто Искупитель, чем побеждать первого и как соединяться с последним. Но это не касается уже настоящего предмета нашего; нам должно теперь обратить внимание на другое.

Итак, у всех нас есть враг, ужасный, непримиримый, который коварством своим погубил нас в Едеме, и теперь непрестанно употребляет все средства, чтобы никто из нас не восстал от сего падения, а, следуя его внушениям, продолжал низвергаться все глубже – в пропасть адскую. У всех нас есть и всемогущий Искупитель, Который спас нас от смерти вечной еще в Едеме, и тогда же, по беспримерному милосердию Своему, принял на Себя изгладить все следы падения и возвратить нам с лихвой наше первобытное совершенство.

Далее – ни Искупитель, ни искуситель наш не могут действовать на

нас без нас: Первый, несмотря на Свое всемогущество, не может преставить нас в рай, если мы будем противиться этому; последний, несмотря на всю злобу и хитрость его, не в состоянии увлечь нас во ад, если мы не будем содействовать тому. Посему от нас самих зависит благополучный или злополучный исход борьбы, за нас ведомой; прейти на небо или во ад, можно сказать, в нашей воле. Итак, что же мы делаем? кому помогаем? на чьей стороне остаемся?..

Увы, у нас множество споров, распрей и браней; а о великой брани между семенем жены и семенем змия, то есть между всеми нами и общим врагом нашим, многие из нас почти не ведают! Не ведают, что этот лютей дракон доселе непрестанно ходит по всему миру с темными клеветами своими, *иский кого поглотити (1Пет. 5:8)*. Откуда это пагубное неведение?.. От собственного небрежения. Ибо Евангелие непрестанно возглашает о сей важной для всех нас истине. Другим она известна, но обращается ими не на пользу, а во вред себе и другим. Они ведают все, что Писание сказывает нам о злобном враге нашем, но не прилагают веры сказываемому. Можете судить, как должен быть доволен враг наш и как радоваться, находя между людьми такое неверие в самое бытие свое!.. Лучшего положения для себя не мог пожелать он сам. Ибо представляя его несуществующим, по тому самому нисколько не страшатся его и не берут мер противу козней его; а таким образом дают ему возможность действовать над собою, как ему угодно. Это воины, отдающиеся в плен без сражения! И действительно, посмотрите на тех людей, для коих дух злобы не существует! Для них не существует и Искупитель. Ибо для чего искать вождя, когда нет брани? Для них нет и заповеди с запрещенным деревом: все позволено!

Блюдитесь, братие мои, подобных лжеумствователей, мудрых токмо на злое, – на свою и чужую погибель; закрывайте слух от их душетленных бесед и возражений, дабы не пострадать подобно прародительнице нашей. Памятуйте непрестанно, что у всех нас брань не с плотию токмо и кровию, не с соблазнами токмо мира видимого, а и с духами злобы поднебесными (*Еф. 6:12*), и памятуя о сем, никогда не слагайте с себя того святого всеоружия, коим слово Божие облекает христианина на сражение с врагом нашего спасения, то есть, как говорит апостол Христов, *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды, и обувше нозе во уготовление благовествования мира: над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити: и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий: всякою молитвою и молением молящесь на всяко время духом*

(Еф. 6:14–18). Аминь.

Беседа в среду 5-й недели Великого поста На слова: И жене рече: умножая умножу печали твоя и вздыхания твоя: в болезнях родиши чада, и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (Быт. 3:16)

Чем более размышляем мы, братие мои, о сказании Моисеевом касательно падения прародителей наших, тем сильнее убеждаемся, что в сем токмо святом сказании, несмотря на краткость его, содержится ключ к разрешению всех недоумений касательно настоящего бытия нашего на земле, к пояснению нынешнего состояния самой природы, нас окружающей. Ибо вообразим на время, что у нас нет подобного сказания; тогда мы не будем знать, как произошел мир и человек, что было потом с нашими прародителями, как они пали и увлекли за собой в бездну зла все, что от них зависело или могло зависеть в будущем; а без сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбе рода человеческого и всего, что окружает нас; откуда, например, те бедствия, коими все мы окружены с младенчества до гроба, и для чего они? Откуда расстройство и беспорядок в природе, нас окружающей, которая, с одной стороны, является такой прекрасной, а с другой, представляет вид поля после великого сражения? Но когда вспоминаешь об Едеме и плоде запрещенном, о змие-искусителе и пагубной снеди, о смоковничном препоясании и грозном, но столь же милосердом суде Божиим, то мрак, покрывающий судьбу земли и человека, рассеивается; узнаем, откуда зло в мире, за что и для чего страдает все живущее; и, вместо ропота и отчаяния, одушевляемся святым терпением и надеждой на Провидение. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказание Моисея о первобытном человеке и его падении, думали еще показать этим свою мудрость! Что же возмogli дать они взамен свитка Моисеева? Нелепые мечты расстроенного воображения, кои могли казаться стоящими внимания только их суемудрым изобретателям. Но честь и благодарность здоровой науке, которая, углубившись в исследование природы, не замедлила сама стать против лжеименной мудрости и показать всему свету, что бытописание Моисея превышает всякого сомнения, потому что написано не на одной хартии, а начертано неизгладимыми буквами на лице всей земли. Пожалев о сем печальном и уже почти прошедшем явлении, пойдем паки с благоговением за боговдохновенным вождем нашим и выслушаем из уст его, как, вслед за

змием-искусителем, суд Божий коснулся и нас, кои так легкомысленно приложили слух к его обаянию.

И жене рече: умножая умножу печали твоя... в болезнях родиши чада, и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет. Допрос начат был с мужа, а наказание начинается с жены. Почему так? Потому, конечно, что жена, как мы видели, первая открыла слух и сердце свои искусителю, и она же сделалась почти единственной причиной падения для своего мужа. Да не забывают сего жены, кто бы они ни были и как бы высоко ни стояли, и да прилагают попечение о том, чтобы скромностью, смирением и послушанием мужу вознаградить свое первобытное легкомыслие и кичливость!

Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя. Они будут, как бы так сказано, у тебя и сами по себе (ибо как не печалиться и не воздыхать той, которая легкомыслием и дерзостью своею подвергла стольким бедствиям и себя, и мужа, и весь род человеческий?); но кроме сего явится у тебя еще множество таких скорбей и воздыханий, от коих муж твой будет свободен, от коих и ты, хотя и преступница заповеди, была бы свободна, если бы не показала себя в деле общего преступления такой самонадеянной и особенно усердной к общей гибели. поелику такое, удвоенное, обуздание необходимо для твоей непомерной склонности к чувственному, то наложу его Я Сам; и поелику наложу Я, то никто не в состоянии будет снять его с тебя. Чем бы ты ни была, как бы высоко ни стояла, печали и воздыхания всюду будут следовать за тобою: *умножая умножу печали и воздыхания твоя!*

После сего как бы введения, изображается уже самое наказание жены, состоящее из двух видов: она осуждается, во-первых, на болезни рождения, во-вторых, на подчинение своему мужу. Рассмотрим каждое наказание порознь, ибо в том и другом найдем урок для нашего назидания.

В болезнях родиши чада. Значит, до преступления заповеди, в состоянии невинности, чада рождались бы без болезни. Так и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному действию, каково произведение на свет человека, сопряженным быть с болезнями и страданием? Только один грех, став на середине, мог произвести сие, заставив явиться скорбь и болезнь там, где бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселью. Посему животные и донныне свободны от большей части мук чадорождения, как бы в наказание того, что если человек столь подлежит им, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряжению о нем Промысла Божия. И поелику в сем случае действовало само правосудие Божие, но не без мудрого, конечно,

намерения обратило в наказание жене то самое, что, в состоянии невинности, имело сопровождаться одним чистым удовольствием. Ибо Господь всеблагий, если наказует кого-либо, то наказует всегда так, чтобы наказуемый самым наказанием отводился от какого-либо зла и приводился к какому-либо добру. В настоящем случае, когда определялась судьба не одной Евы, а в лице ее и всех будущих дочерей человеческих, целой половины всего рода человеческого, тем паче имелось в виду не мщение какое-либо и не желание поразить как можно чувствительнее и преогорчить самую большую радость в жизни, а благо самой жены.

Какое же благо, – спросит кто-либо? То, чтобы удержать на будущее время жену от поползновения к греху. При запрещенном древе, Ева, как мы видели, обнаружила крайнюю склонность свою прельщаться внешним видом и увлекаться наслаждением чувственным. Если при взоре на красивое дерево и сладкий плод она так потерялась и погибла, то что будет с ней при встрече с красотой одушевленной? И вот, в ограду ее целомудрия, без коего жена есть *яко сосуд погублен*, ставятся бессменные, неумолимые и неподкупные стражи-болезни чадорождения, да увлекаемая страстью она будет удерживаема представлением продолжительности бременности и мук рождения, кои ожидают ее за минутное услаждение плоти. Вместе с сим, посредством этого же самого наказания жены, будет достигнута у Промысла и другая, не менее важная цель в отношении ко всему роду человеческому, та цель, чтобы связать теснейшим союзом любви рождающих с рожденными от них. В самом деле, почему матери гораздо приверженнее к детям, нежели отцы? Потому, что дети достались им гораздо дороже, нежели отцам.

Но, с другой стороны, что было причиной для нас печалей и болезней, то обыкновенно становится после того неприятным и отвратительным, так что мы не можем впоследствии и смотреть равнодушно на прежде бывший источник скорбей наших. Посему можно было опасаться, что и в сем случае умножение для жены болезней во время ее чревоношения и рождения произведет нечто подобное, и заставит жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно целям Самого Промысла о размножении на земле рода человеческого. Что же делает премудрость Божия для удаления сей противоположной крайности? Ничего более, как соединяет конец чадорождения с такой чистой душевной радостью, что жена, как говорит Сам Спаситель, не помнит уже в это время прежней скорби своей – *за радость, яко родися человек в мир* (Ин. 16:21). Так умеет Промысл достигать Своих премудрых и всеблагих целей!

С намерением, братие мои, медлим мы на сем предмете и входим в такие подробности, дабы дать женам случай вникнуть более в определение Божие о них и почерпнуть из него для себя и назидание, и утешение. Велики скорби жены! Дорого стоит ей младенец, коего лелеет она у груди своей! Стократ дороже, нежели его отцу и ее мужу! Но это не слепой какой-либо случай судьбы, а премудрое и пресвятое определение Божие. Посему-то никакая из жен не свободна от болезней рождения. В чертогах великолепных страдают так же, как и в последней хижине. Жены высшего звания и сана подлежат нередко даже большим опасностям и мукам при чадорождении, нежели жены простых людей; и это потому, что слишком искусственным образом жизни своей они слишком далеко уклоняются от простых законов природы, а нравами своими – от чистоты душевной, и таким образом сами для себя увеличивают тяжесть наказания Божия. Но как бы оно ни было тяжело, поелику от Бога, то всегда может служить на пользу душевную, если только мы не испортим дела с нашей стороны. Самая мысль, что они страдают по воле и непосредственному распоряжению Божию, должна служить великой отрадой для жен деторождающих. Ибо не напрасно святой Давид предпочитал некогда впасть в руце Божии, нежели в руки человеческие. Среди болезней чадорождения вы, жены, находитесь именно в руках Божиих; но, находясь в руках Божиих, не отвращайте взоров своих от лица Божия. Простирайте руки ваши не столько к людям, слабым и часто не могущим подать вам никакой помощи, сколько к Богу, крепкому и живому. Если какая сила скорее может восполнить немощь природы и разрешить узы плоти, то сила веры и молитвы, для коей нет ничего невозможного. А чтобы самая молитва ваша была действительнее и богоприятнее, растворяйте ее духом веры и покаяния. Страданиями нашей плоти Господь всегда хочет изгнать какой-либо недуг из нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяние в прошедших грехах наших и твердый обет вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно – есть самый действительнейший способ преклонить правду Божию на милость, вместе с чем сократятся и все страдания плоти. Посему нельзя довольно похвалить тех богобоязненных жен, кои, перед наступлением чадорождения, советуются не с одними врачами телесными, а готовят себя к грозной минуте молитвой и Таинствами Святой Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены в таком положении, ибо кто может поручиться, чтобы час деторождения не обратился в час смерти для рождающей? Как же не подготовиться к такой опасности покаянием и причащением Святых Тайн?

На это все невольно наводит страх, хотя и спасительный. Не скроем же и того, что может служить к великому ободрению и утешению для жен среди их страданий во время родов. Что это такое? То, что болезни рождения, когда они переносятся в духе веры и покаяния, суть самое действительное средство к изглаживанию вольных и невольных грехопадений. На это намекает уже сама природа, ибо после болезней рождения всякий раз очищается все тело жены. Но будет очищаться не одно тело, а и душа, коль скоро, страдая телом, не будут забывать при сем своей души. Сие-то самое, без сомнения, имел в виду апостол Павел, когда написал, что жена *спасется чадородия ради* (1Тим. 2:15). Надобно токмо родить чад не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произвол судьбы, или на попечение наемных приставников, а воспитывать самим в страхе Божиим и повиновении уставам Святой Церкви. Ибо и апостол не сказал просто: *спасется же чадородия ради* (иначе у которой было бы более детей, та была бы потому и спасеннее других), а присовокупил: *аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием* (1Тим. 2:15). И в другом месте, похваляя вдовицу, похваляет не просто, а с условием: *аще чада воспитала есть... аще скорбным утешение бысть, аще всякому делу благу последовала есть* (1Тим. 5:10). При таком только нраве и таком поведении жен обращается им во спасение и дело их чадорождения, яко весьма трудное и болезненное, но в то же время необходимое для рода человеческого. Ибо жена, скажем и это в утешение страждущих, заступает в сем случае место как бы Самого Творца, рождая из себя человека, который в первый раз произведен был непосредственно Самим Богом.

Видите теперь, каково наказание Божие? Видите, как в нем открыт случай для жен к великой заслуге, к достижению самого спасения вечного? Что может быть важнее для нас сего последнего? Итак, будем послушны и терпеливы: терпение и вера награждаются в сем случае еще здесь, на земле. Ибо если отец и мать в отношении к детям своим будут воодушевлены таким духом, какого требует Евангелие, то их дом будет не хуже рая, сделается даже, в некотором отношении, лучше его; ибо в рай прародители наши вошли невинные, а вышли из него грешниками, и распространили своим грехом клятву по всей земле, а в таком доме будет напротив: в него, путем рождения, будут входить грешники, ибо *рожденное от плоти плоть есть* (Ин. 3:6), а из него, путем христианского воспитания, будут исходить праведники, и где ни будут жить, всюду станут распространять вокруг себя мир и благословение.

Второй вид наказания, возложенного на жену за преступление

заповеди, – взят из ее отношения к мужу: *и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет.* Ты, как бы так говорит Господь, почтена была от Меня равной с мужем честью; подобно ему украшена образом Моим; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свет, но получила то же самое, даже удостоилась произойти не из земли, как он, а из ребра его; довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебе собственная его любовь к тебе. Но ты не удовольствовалась всем этим и взяла на себя большее, тебе не принадлежащее; без его согласия вступила в беседу и приязнь со змием; без его одобрения вкусила от плода запрещенного и не только сама нарушила заповедь, но подала к тому же повод и мужу, и увлекла его в пропасть. Этого противозаконного господства твоего над супругом твоим не будет более. За присвоение того, что не принадлежало тебе, ты потеряешь большую часть и того, чем обладала по праву. В тебе останется прежняя привязанность к супругу: *и к мужу твоему обращение твое;* но в нем не будет уже прежнего благоснисхождения; при всех ласках и нежности его, ты невольно будешь всегда видеть в нем своего владыку: *и той тобою обладати будет.* Так обладати, что ты с воздыханием не раз вспомнишь о прежнем между вами равенстве; будешь нередко сознавать свое преимущество перед ним, но и в сем случае останешься в зависимости не только от его ума и воли, от самых прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его в той полноте, как бы хотелось: *и той тобою обладати будет.*

Как ни грозны слова сии в отношении жен, но они нисколько, однако же, не уполномочивают мужей на тиранство над своими женами, и не означают того, чтобы последние отдавались им в совершенное подчинение и рабство. Нет, это было бы противно намерению Божию, равно как и благосостоянию рода человеческого. Ибо, что был бы за союз у мужа с женой, если бы первый только всегда повелевал, а последняя всегда только бы повиновалась? Тем паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Где жена – раба, там нет истинной любви и мира, а только страх и принуждение. Посему-то мы не видим в семействе допотопных патриархов не только никакого рабства и так называемого заключения жен, но и многоженства. И после потопа жены праотцов пользуются еще немалое время своей свободой и влиянием на дела домашние. Хотя Сарра уважает, например, Авраама, *господина того зовущи (1Пет. 3:6)*, как замечает апостол, но это господство Авраама состояло не в величавости перед женой и приказаниях, а в большей перед нею мудрости. Уже впоследствии, когда с усилением в роде человеческом

греха и страстей и с постепенно большей потерей чистоты нравов, мужа, вместо закона взаимной любви к женам, начали следовать своему слепому произволу; тогда только жребий жен, смягчаемый дотоле любовью мужней, начал тяжелеть и преогорчеваться более и более, так что жена, наконец, из помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой к мужу даже и по правам своим, ниспала в состояние безответной рабы и невольницы, и обратилась в жалкое орудие страстей. Как ни противозаконно и ни вредно для благосостояния рода человеческого такое уничтожение жены, но яко благоприятствующее страстям, оно, с продолжением времени, успело распространиться в целом древнем мире, возымело силу не только обычая, но и закона, от коего до сих пор стенают, как известно, жены едва не у всех народов нехристианских.

И кто бы вывел женский пол из сего злосчастливого состояния, если бы не явилось на помощь Евангелие Христово? Философия, по обычаю своему, не смела сказать о сем ни одного слова. Только Евангелие, своим учением о воздержании и свободе духовной, изгнало, вместе с многоженством, уничтожение женского пола, возвестив в слух всех, яко о Христе Иисусе *несть мужеский пол, ни женский* (Гал.3:28), но вси едино и равны пред Богом. Только Евангелие внушило и поставило в обязанность мужьям любить своих жен, *якоже и Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню* (Еф. 5:25). После сего жена уже не могла быть рабой мужа, как бы он ни был высок и важен.

Не забывают же сего, жены, и, лобызая Евангелие Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Он Крестом Своим отверз вам, равно как и мужьям вашим, вход в рай потерянный и Царство Небесное, но и на земле снял с вас те поносные узы неволи и уничтожения, в коих пол ваш стонал, без надежды, целые тысячелетия. Аминь.

Беседа в пяток 5-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:17–19

И Адаму рече (Бог): яко послушал еси гласа жены твоея и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси: проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего: терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную: в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отъидеши (Быт. 3:17–19).

Вот и последняя часть приговора, на нас произнесенного! На нас, говорим, ибо что изрекалось прародителям нашим, то падало на всех нас, потому что в лице их заключался весь род человеческий. Как благословение и блаженство, имевшие последовать за сохранением заповеди Божией, достались бы каждому из нас, так и наказание за нарушение заповеди простерлось на всех и каждого. Это последнее для некоторых кажется несправедливым, но почему так кажется?.. Потому что не вникают в связь вещей, не хотят видеть, что весь род человеческий, по самому существу своему, составляет единое целое, и что он весь заключался в своем прародителе. Повредите чем-либо семя дерева, и все деревья, кои произойдут от сего семени, будут отзываться порчей. Для того, чтобы возыметь хорошее дерево, надобно уже вырастить его из других семян. Так и нам, чтобы не участвовать в греховной порче, коей подверглась природа человеческая в Адаме, надобно уже было бы произойти не от него, а от другого прародителя. Но кто же был бы этот другой прародитель?.. Такой же человек, как и Адам, только вновь сотворенный. И он, сообразно своему предназначению, должен бы был подлежать, как и Адам, опыту и искушению. Устоял ли бы он так же, как и настоящий прародитель наш?.. Нам, конечно, можно вообразить, что новый прародитель не нарушил бы заповеди; но премудрость Божия, без сомнения, ясно провидела, что было бы и с сим новым прародителем; и если не произвела его на свет, то это – верный знак, что не предвидела в нем мужества и крепости большей, нежели какая обнаружилась в Адаме. Но обратимся от возможного к тому, что было на самом деле.

Наказание для жены взято, как мы видели, из ее предназначения – рождать детей и отношений ее к своему мужу; наказание мужу взимается теперь частично из круга его будущих дел и занятий: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*; частично из самого состава его тела: *земля еси, и в землю отъидеши*; и все это предваряется указанием на причину наказания, дабы

Адам тотчас видел, что с ним, и преступником, поступают не по произволу, а по справедливости: *яко послушал еси*, и далее.

Слова сии явно противоположны собственным словам Адама, коими думал он извинить грех свой пред Богом. Адам говорил: *жена, юже Ты дал еси... та ми даде... и ядох* (Быт. 3:12); правосудие Божие в сем самом обстоятельстве находит вину Адамову; *яко послушал еси гласа жены твоя* и предпочел его гласу Божию, которого не надлежало менять ни на что, тем паче на безрассудные внушения своей жены. *И от древа, егоже заповедах тебе... единого не ясти, от него ял еси*; то есть не соблюл заповеди самой легкой, ибо трудно ли было не вкушать от единого древа, когда плоды всех прочих деревьев, бесчисленных и совершеннейших, предоставлены были в твое полное употребление? поелику ты со всех сторон показал во всем этом явное невнимание ко Мне, твоему Творцу и Благодетелю, и обнаружил в себе легкомыслие и неблагодарность, гордость и алчность, а вместе с сим неспособность быть тем, к чему Я тебя предназначил, то вот наказание твое: *проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего: терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную: в поте лица твоего снеси хлеб твой, дóндеже возвратишия в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отъидеши*.

Очевидно, что здесь сколько слов, столько, можно сказать, разных стрел и молний; но эти молнии, как мы заметили прежде, полуугасшие, кои потеряли уже силу свою на главе змия. И как падают они теперь на прародителя нашего? Падают как бы мимоходом, то есть не останавливаются на Адаме, а, коснувшись его, уходят потом, как это бывает и с вещественной молнией, в землю. *Проклята земля*, – не Адам проклят, а земля; разность величайшая, показывающая, что в безднах любви и премудрости Божией обрелось уже средство спасти от проклятия самого человека. Что касается до земли, то проклятие ее не должно казаться несправедливостью, хотя земля, яко неодушевленная, и не участвовала в преступлении. Ибо ради кого получила она прежде благословение? Не сама по себе, ради своей какой-либо заслуги, а ради человека, своего обитателя и владыки. Ради него получила она благословение; ради него же теперь и лишается оно. Приметьте еще, как мудро ограничена сила проклятия! Земля проклинается не сама в себе, не в сущности и основных силах своих (тогда бы она сделалась совершенно ни к чему неспособной), а *в делех* человека, тою, то есть, стороной, которой она обращена к человеку и коей будет служить отселе к поддержанию его краткого бытия на ней. Такое проклятие земли, или, что то же, умаление и

сокращение служебных для человека сил ее, было необходимо для самого человека. Ибо если бы земля осталась с прежним благословением, с прежним обилием и роскошью своих произведений, то какое обширное поле к злоупотреблению даров ее представилось бы для гордости и алчности человеческой! Человек-грешник, и без того наклонный к чувственности, находя всюду без труда удовлетворение своих прихотей, погряз бы от ног до главы в праздности, неге и сладострастии. И вот, земля лишается, так сказать, своего праздничного убранства, покрывается вместо него рубищами; и приведенная таким образом в уровень со злополучным состоянием человека делается такой, что, служа для необходимого поддержания его жизни, в то же время недостатками своими будет непрестанно напоминать ему о грехе его, их произведшем, и таким образом препровождать его к покаянию.

Что же именно, спросишь, последовало с землею вследствие проклятия? Последовало истощение производительных сил, откуда скудость и несовершенство всех произведений земных; последовала даже как бы некая враждебность к человеку земли, по которой она, несмотря на все усилия человеческие, начнет производить нередко именно то, что ему противно, так что годы неурожая и глада отныне как бы чередой будут приходить в наказание человеку: *терние и волчцы возрастит тебе!*

Терния и волчцы эти, без сомнения, не вновь творятся теперь; они были на земле и прежде, но были как малая часть в великом целом, и служили потому не к безобразию, а к полноте и совершенству целого, занимая малое и ненужное для прочего место. Теперь это терние, эти плевелы усилятся до того, что не дадут собою расти необходимому и совершеннейшему. Прежде они росли там, где были нужны, ибо есть живые твари, коим они могут служить в пищу, или на другое употребление; теперь будут расти именно для человека, среди поля, возделанного его руками: *возрастит тебе...* Ты посеешь пшеницу, а вместо нее явятся плевелы; посадишь розу, а из земли выйдет терние: *терния и волчцы возрастит тебе!*

Итак, братие мои, когда будете на поле, не смотрите хладным и рассеянным взором на бедную ниву земледельца: на ней изображен суд всего рода человеческого! Когда увидите тощие и редкие класы (колосья), когда заметите, что на ниве более плевел, нежели жита или пшеницы, не ограничивайтесь одним сожалением о потерянных трудах земледельца, а перенесите мысль к тому времени, с коего земля начала быть такой, по-видимому, неблагодарной к трудам человеческим. Увы, это не земли неблагодарность, а грозное веление самого неба! Земля сама тяготится

своим неплодием, яко ей неестественным, но не может производить более, сколько производит, потому что грех и проклятие за него проникли недра ее глубже всех дождей и рос, и изгубили плодотворную силу ее. Поэтому если хотим, чтобы поля наши не оставляли без вознаграждения трудов наших, то не будем ограничиваться удобрением их только вещественным, а постараемся усердной молитвой и чистотой рук наших низвести на них первее всего благословение Божие.

Снеси траву селную: будешь, то есть, по нужде употреблять в пищу то, что предназначено было точию для бессловесных, ибо в плодах древесных, коими прежде питался ты, уже окажется недостаток.

В поте лица твоего снеси хлеб твой: не взимая его, как было прежде, почти готовый, из рук природы, а доставая трудами изнурительными, собирая по прошествии зимы и весны то, что посеяно было еще осенью, в прошедшем году, а нередко предоставляя собрать детям и даже чуждым то, что посеял сам.

Этого пота и этого труда, на кои осужден прародитель наш, избавились, по-видимому, некоторые из нас, найдя возможность жить в совершенной праздности и питаться чужими трудами. Но много ли в сравнении с целым родом человеческим таких людей? И действительно ли счастливы они тем, что избежали, по-видимому, наказания Божия? Увы, жить в праздности и питаться чужим трудом, когда он орошен потом, а может быть и слезами собратий наших, это для того, кто не погубил души и сердца, еще большая тягость и наказание, нежели трудиться самому!.. Если некоторые не чувствуют сего, то это самое нечувствие обнаруживает, что в них нет уже первобытного достоинства природы человеческой. И думаете ли, что этот неприметный для многих, но сам по себе крайне жалкий недостаток не влечет за собой наказания, ему свойственного? Нет, безжалостные к другим, бывают, сами того не замечая, еще безжалостнее к самим себе; среди праздности, неги и роскоши они наказуются в разных видах и губят сами себя. Чем? Тем, что делаются игралищем собственных безумных страстей.

Взглянем теперь на последнюю часть наказания Адамова: *дондеже отъидеши в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отъидеши.* Человек и в состоянии невинности был земля, но сия земля проникнута была благодатным присутствием в человеке Духа Божия, закрыта и ограждена от всего враждебного и разрушительного образом Божиим; теперь, с потерей сего образа, с удалением Божественного Духа силы и жизни, человек падает под власть стихий, подчиняется наряду с неодушевленным веществом неумолимому закону тяжести земной, за коей

не замедлят последовать слабость тела, болезни и разрушение.

Вот, значит, где начало нашей смерти, братие мои, – в грехе! Доколе не было в мире греха, дотоле не было и смерти. поелику же и грех вошел к нам, так сказать, не сам, а ввергнут диаволом, то первоначальный виновник смерти, как и всех зол в мире, есть диавол. *Завистию же диаволею*, – говорит Писание, – *смерть вниде в мир (Прем. 2:24)*. Посему-то он и называется у апостола Павла имущим *державу смерти (Евр. 2:14)*. Замечаем все это перед вами для того, что между мудрыми века сего есть некоторые как бы любители смерти, кои в ослеплении своего ума, отвергнув святое иго веры, думают и проповедуют, что смерть человеческая не есть наказание какое-либо, а дело природы, что тело наше, по необходимости, подлежит рано или поздно разрушению. Такие люди, очевидно, обманываются взглядом на нынешнее тело наше. В настоящем состоянии оно точно таково, что не может, с продолжением известного времени, не слабеть и не подлежать смерти; но это состояние не первобытное: тело наше было далеко не таково, как ныне, потому и не подлежало смерти. Сию-то самую, столь простую и несомненную истину забывают мнимые умники, и твердят о неизбежности для человека смерти; забывают и благодать Божию, ибо если смерть не от греха, а от природы, то она от Бога. Но мог ли Бог сотворить смерть? Это совершенно недостойно ни Его величия, ни Его благодати. И человек добрый, если бы на него возложено было сотворить мир, то не создал бы смерти. Ибо смерть, сама по себе, есть зло, и при том великое. Посему-то между людьми смертью наказывают только за самые нестерпимые грехи и преступления. Возможно ли, чтобы такому наказанию, без всякой вины, подвергнут был весь род человеческий?

Но что наши злополучные прародители? Ответствуют ли чем-либо на суд и наказание Божие, их теперь постигающее? Нет, они приемлют то и другое молча и безответно; не только не слышно новых извинений, но и никаких просьб о прощении, или уменьшении казни. Откуда вдруг такое неожиданное безмолвие и преданность? От того, без сомнения, что в самом Лице и гласе Божиим уже выражалась совершенная непреложность того, что было изрекаемо. С другой стороны, пробудившаяся совесть давала знать прародителям, что судьба их, после нарушения заповеди Божией, не может оставаться в прежнем виде, что грех и преступление непременно должны быть наказаны, и что благодушное принятие и перенесение сего наказания есть наилучшее средство к тому, чтобы заслужить милость и возратить себе любовь Божию.

Падем убо, братие мои, и мы в духе пред Судией и Господом нашим

и, оставив все вопросы и размышления, скажем в простоте ума и сердца с Давидом: *Праведен еси, Господи, и прави суди Твои!* (Пс. 118:137). Яже навел еси на нас, судом и правдою навел еси (Пс. 95:10, 13), да потом и слезами, тернием и волчцами, исцелимся от пагубной склонности к ядовитой сласти греха. Подаждь убо всем нам, о Всеблагий, духа веры и терпения, духа крепости и упования, да благодушно будем нести то, что возложила на нас не столько наказующая, сколько самым наказанием врачующая десница Твоя! Аминь.

Слово в субботу 5-й недели Великого поста, или Похвальную. «Солгася древний Адам, и Бог вожделев быти, не бысть: человек бывает Бог, да Бога Адама соделает».

Высокое богословие заключается в словах сих, братие мои, богословие и созерцательное и деятельное, успокоительное и всерадостное для тех, кои соображают с ним веру, дела и жизнь свою; грозное и всеобличительное для тех, кои небрегут о нем. Последуя гласу Церкви, мы тем охотнее предаемся ныне всей глубине сего богословия, что видим в этом средство, не прерывая нисколько собеседований о предмете, нас с вами занимающем, воздать подобающую честь настоящему празднеству в честь преблагословенных Девы Марии. Ибо, вникая в смысл сего высокого песнопения церковного, мы паки встретимся с прародителями нашими в Едеме; а между тем восхвалим великую Заступницу нашу, Которая послужила Взбранною Воеводою не грекам токмо на поражение скифов и сарацин, а всему роду человеческому, на низложение оногo древнего прегордого Кагана, который, обольстив и поработив себе прародителей наших в Едеме, мечтал вечно удержатъ в плену у себя весь род человеческий.

«Солгася», то есть обманулся в своем ожидании и намерении, «древний Адам, и Бог вожделев быти, не бысть».

Мы видели, откуда и как возникло в Еве и Адаме безумное вожделение, быть яко бози (Быт. 3:5). Причиной и поводом к сему был змий-искуситель или, паче, дух злобы, действовавший в змие и клеветой на Бога и суетными обещаниями успевший возбудить в прародительнице нашей несбыточную надежду на мгновенное обожение своей природы. Видели далее, как Ева и Адам привели в действие свое преступное намерение и, по совету змия, вкусили от плода запрещенного. Во всем этом был жестокий обман со стороны змия, ибо это несчастное вкушение, яко противное заповеди Божией, было для человека средством не к тому, чтобы сделаться Богом, а прямо к противоположному, то есть чтобы потерять и ту часть богоподобия, которой Адам обладал уже, яко созданный по образу Божию. Горький опыт не замедлил, как мы видели, показать все это на деле. Прародители тотчас почувствовали свою, неведомую ими дотолѣ, наготу, стыд и страх; сделались неспособными не только быть яко Бог, но и сносить присутствие Божие, почему и сокрылись от лица Божия, в среду

древ райских. Когда же воззванные потом пред суд Божий, обличены во грехе, то подверглись осуждению: жена на болезни чадородия и сугубую покорность своему мужу, муж на пот и труды над возделыванием земли, оба – на возвращение в землю, от неяже взяты. Не могло быть ошибки ужаснее, разобольщения более полного: «солгася древний Адам!»

Если бы дело осталось в таком виде, то какое бы было торжество для врага нашего, не только над нами, но и над Самим Творцом нашим! Он достиг, по-видимому, всего: ибо вот, план и намерения Всемогущего в создании человека расстроены и превращены (разрушены); земной образ и наместник Его унижен, поруган, ограблен и поражен смертью; земля и род человеческий отселе – царство греха и страстей, следовательно, подвластное духу злобы. Победа полная! И как это все достигнуто скоро, легко, верно, безвозвратно!

Мы говорим: и безвозвратно. Ибо средства к восстановлению падшего человека не представлялось никакого. Человек сам – что бы он сделал для сего? Тот, кто не устоял на высоте богоподобия, обладая всеми силами, как бы мог взойти обратно на сию святую высоту, разбившись от падения и потеряв силы?.. Ангелы и духи чистые? Они могли сообщить несколько света и теплоты помраченному и охладевшему к добру человеку, могли оказать ему некую помощь в известных случаях, но поднять его из глубины греха, смерти и тления – это было превыше и их сил. Для Самого Божества казалось невозможным оказать помощь падшему человеку и спасти его от гибели греховной. Ибо главное свойство греха в том и состоит, что он удаляет человека от Бога и Бога от человека. Для подания помощи нужна близость к тому, кому помогают, и некое соединение с ним; а святость существа Божия требовала не приближения, а удаления от нее человека, яко грешника: *ибо кое общение свету ко тме (2Кор. 6:14)*, чистоте и святости к беззаконию?

Все сие, без сомнения, ясно видел всезлбный враг наш; видел – и радовался и торжествовал над нами. Но непродолжительно было торжество всегубителя! В неисследимых глубинах премудрости Божией от век уже обреталось средство не только восстановить человека падшего, не только посрамить диавола разрушением всех дел его, но сделать гораздо более: именно обратить в истину то самое, что искуситель, яко совершенно несбыточное, обещал Адаму, – дабы солгался уже не Адам, а враг наш. Он обещал, как мы видели, от вкушения плодов запрещенных совершенство Божеское, воображая, без сомнения, в уме своем, что это решительно невозможно. И вот, премудрость и любовь Божия положили эту невозможность обратить в действительность, то есть возвысить

естество человеческое не до обладания только, как прежде было, образом Божиим, через отражение в себе некоторых совершенств Божественных, а до некоего действительного участия в самом естестве Божественном, да будем, как говорит святой апостол Петр, *Божественного причастницы естества* (2Пет. 1:4). Для достижения такой чрезвычайной цели необходимо было и средство чрезвычайное. И действительно, для сего употреблено такое средство, которое не могло прийти на мысль самому многоочитому Серафиму: «человек бывает Бог, да Бога Адама соделает».

Известно, братие мои, как совершилась сия тайна, как произошло это чудо. Несмотря на омрачение естества нашего грехом, на унижение его страстями, на нашу нечистоту, безобразие, брэнность и тление, Единородный Сын Божий, со всей полнотой Божественных сил, нисшел до нас, падших, принял на Себя естество наше на всю вечность, соделался подобным нам человеком, усвоил Себе все наши немощи, кроме греха, и, в удовлетворение правде Божией, умер за нас на кресте. Примилив таким образом человека с Богом, Он возвратил нам все потерянные права, излил на род человеческий всю полноту Божественных сил, открыл каждому из нас вход на небо и доставил возможность не токмо приближаться к Богу, но и соединяться с Ним во един дух. Таким-то образом Бог Человек бывает, «да Бога Адама соделает!»

Вместе с сим чрезвычайным действием, по необходимости, должноствовало измениться в судьбе нашей все и навсегда. С вочеловечением Сына Божия человечество, в Лице Его, явилось обоженным и исполненным всей силой Божества; а по совершении дела искупления оно превознесено не только превыше первобытного нашего совершенства в Едеме, а превыше всякого величия Ангелов и Архангелов, так что теперь Бог и Человек во Христе – едино Лицо, Божественное и препрославленное. Вот к чему, сам не зная, вопреки своей злобе, привел человека искуситель! Он не потерпел видеть природы нашей в раю; а теперь, как ни поднимет очи на небо (если поднимает когда-либо), всегда видит естество человеческое, в Лице Искупителя нашего, сидящим *одесную престола величества на высоких* (Евр. 1:3).

Но не этот один удар должен перенести враг наш, хотя и его вполне достаточно для сокрушения всей главы зминой. Нет, Сын Божий соделался Сыном Человеческим не для того токмо, чтобы в едином Лице Своем обожить воспринятое Им человечество, но чтобы через Себя и от Себя распространить, до известной степени, это обожение на всех потомков Адама, кои суть теперь единокровные, так сказать, братия Его. Вследствие Его воплощения и обожения Им в Лице Своем природы нашей,

должно выйти столько же обоженных людей, сколько есть людей совершенно благодатствованных, так чтобы враг наш на кого потом ни воззрел из них, в каждом увидел бы величие и славу Божества. Бог человек бывает, да Бога Адама соделает!

Не вдруг началось, не вдруг может и кончиться чудо столь великое; ибо не вдруг каждый из падших сынов Адама может быть возведен на сию высоту пребожественную. Потребно множество разных средств, а вместе с тем и времени, чтобы природа человеческая в каждом из верующих исцелилась, очистилась, просветлела, возвысилась и сделалась способной к тому, чтобы быть едино с Богом. Но премудрость Искупителя нашего сделала все, чтобы облегчить, сколько возможно, упрочить и обезопасить для каждого этот восход на высоту уже не Богоподобия токмо, а действительного обожения естества человеческого. И столько уже потомков Адама, кои могут сказать о себе, по примеру святого Павла: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос!* (Гал. 2:20). Сколько еще до конца мира явится душ, кои возмогут сказать о себе то же самое! Степень совершенства, достигаемого истинно верующими, еще на земле так велика, что Сам Господь благоволит их именовать не людьми, а богами. Так, о Моисее прямо говорится: *се, дах тя Бога фараону* (Исх. 7:1). Посему сии обоженные человеки и производят уже дела не человеческие, а, можно сказать, истинно божеские: тот единым словом останавливает солнце; сей разделяет жезлом море; другой воскрешает мертвых. Но в продолжение сей жизни слава обожения верных рабов Господних, как некогда слава Божия в скинии свидения, все еще сокрывается под завесой кожаной, то есть под грубой нашей плотью. Откроется же вся полнота сея славы и перед всем миром в последний день, когда паки предстанет, или паче приведется на суд с нами враг наш. Тогда-то, по величественному выражению Псалмопевца, *Бог ста в сонме богов, посреде же боги разсудит!* (Пс.81:1), то есть Божественный Искупитель наш, вступив в полное соединение с богами, то есть человеками, Им искупленными и обоженными, вместе с ними произнесет суд над диаволом и его клеветами. *Не весте ли, – пишет святой Павел, – яко святии мирови имут судити?* (1Кор. 6:2).

К такой неизреченной высоте предназначены все мы, братие мои, вследствие воплощения для нас Сына Божия! Если высота сия изумительна и даже неимоверна, по сравнению с нашей бедностью и ничтожеством греховным, то, с другой стороны, она естественна и, можно сказать, необходима, по сравнению с достоинством и деяниями Божественного Искупителя нашего. Ибо какова причина, таково и действие. поелику же

воплощение для нас и смерть за нас Сына Божия суть события преестественные и неизмеримые, то таковы же должны быть и следствия сих событий. Коль скоро Бог во плоти, то самая плоть – в чистом виде ее – уже в Боге: «человек Бог бывает, да Бога Адама соделает!»

Но кого, после Божественного Искупителя нашего, должны мы более всех благодарить за такую честь и достоинство, как не Пресвятую Матерь Его, преблагословенную Деву Марию? Она, единая из всех дочерей Евы, столько обрела благодати у Господа, что возмогла вместить в пречистой утробе Своей Того, Коего не вмещают небеса небес; Она воспитала от непорочных сосцов Своих Того, Кто имел сокрушить главу змия и покорить его под ноги наши; Она вполне вознаградила то, что погублено было в Едеме Евой.

Достойно убо и праведно поется и славится имя Ее от конец до конец вселенныя. Достойно и праведно провозглашается Она высшею Херувим и славнейшею без сравнения Серафим. Ибо над кем скорее и во всей силе должна была выполняться высокая цель искупления, как не над Ней? Кому подобало более причаститься Божественного естества, как не Той, от Коей взято человеческое естество? После Сына Божия Пресвятая Матерь Его есть первый и высший образец воссозданного и обоженного искуплением Его человечества. Аминь.

Беседа в среду 6-й недели Великого поста. На слова: *И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их (Быт. 3:21)*

Паки Адам и Ева вкупе. Но как же, когда Адам осуждался на смерть, о жене не было сказано ни слова? Уж не пощажена ли она, по слабости пола, от сего страшного наказания? Нет, кто вкусил от плода запрещенного, тот не мог оставаться бессмертным. Ева первая простерла к нему руку, и первая же увидит над собой Ангела смерти. Ибо, на основании того же сказания Моисеева, есть причина думать, что она, предварив Адама в нарушении заповеди, предварила его и в смерти. Если же умолчано о ней в определении Божиим, то потому, конечно, что Адам представлял собой на ту пору все человечество: что изрекалось в сем качестве ему, то само собой падало и на жену, взятую от ребра его. Одной только, по-видимому, черты в наказании Адамовом нельзя отнести к жене: возделывания в поте лица земли. Но и здесь сколько жен, по необходимости разделяющих труд мужа над землей! Если муж раздирает руками своими утробу земли и бросает в нее семена, то жена своими руками собирает то, что произрастает земля. И как собирает? С утомлением и не без воздыханий, когда земля щедро наградила труд мужа; еще с большими воздыханиями и печалью, когда собирать почти нечего, так что ее угнетает и печалит более недостаток пота и труда, как бы он ни был тяжел, нежели избыток усилий. И собранное кто уготовляет на трапезу? Рука жены. Лицо мужа страдает на одном солнце; лицо жены страдает и от солнца во время жатвы, и каждый день от огня, на коем готовится пища. Если сравнить все это, если принять во внимание большую слабость телесного состава жены перед мужем, ее большую чувствительность в минуту несчастья и скорби, то окажется, что жребий жены на земле тяжелее жребия мужа. Посему весьма справедливо, что и законами и общим мнением (где оно идет как должно) оказывается большее внимание и большее снисхождение жене. Только это внимание и это уважение не должны простираться, как иногда бывает, за пределы, – до той безрассудной угодливости прихотям жены, от коей пал прародитель наш и падают доселе многие из домовладык. Но обратимся к тому, что повествует Моисей.

И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их.

Итак, первые ризы наши были нерукотворенные! Их сделал не человек, и не Ангел, а Сам Бог! Видите ли любовь, видите ли попечение

нежного Отца о детях! И в какое время? Когда Он судит и наказует их, преступных! По изречении приговора над виновными надлежало ожидать, что они предоставлены будут самим себе, что Господь не замедлит удалиться от тех, кои сами, еще так недавно, убежали и скрывались от Лица Его. Но Он продолжает Свое присутствие, как бы ожидая и желая видеть, что произведут слова Его; и, не слыша ничего из уст нас, осужденных, тотчас из судии обращается в друга и благодетеля. Прародителей, как мы видели, ничто так не смущало на первый раз, как их нагота; смущала до того, что они не могли переносить собственных взоров, и спешили сделать для себя препоясание. Препоясание это не столько однако же сокрывало, сколько обнажало их наготу, показуя, что они не в прежнем естественном им состоянии невинности. Притом надолго ли бы стало сего препоясания? В состоянии ли оно было защищать тело от будущих перемен воздушных? Скоро ли бы злополучные грешники дошли сами по себе до искусства устроить себе одежды из вещества более прочного? Всеблагий видит все сие, – и настоящее положение Адама и Евы, то есть их стыд и смущение, и будущую потребность для них в большей и прочнейшей защите своего тела от перемен воздушных, и неспособность их скоро удовлетворить сей нужде, – видит, и немедленно Сам восполняет их недостатки: *и сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их.*

Но что это за ризы кожаны? Не плоть ли наша нынешняя, грубая и скотоподобная, которая, по замечанию Соломона (Прем. 9:15), *отягощает собой душу* и обременяет ум? Если сравнить тело человеческое в нынешнем его состоянии с тем, как оно было вначале, вышло из рук Божиих, и с тем, каким оно имеет быть некогда паки, после будущего всеобщего воскресения из мертвых, то и настоящее грубое тело наше можно, пожалуй, назвать ризами кожаными. Но Моисей, очевидно, понимает под ними не то, а действительную одежду, которую Господь премилосердый устроил для прародителей наших.

Но откуда же, – спросит кто-либо, – взялись в раю кожи? Пожалуй, если хочешь, прими просто и буквально выражение Моисея – *и сотвори*; тогда вовсе не нужно будет спрашивать – откуда? И если судить по Лицу и достоинству Того, Кто устроил теперь для Адама одежду, то Ему, как Всемогущему, приличнее было сделать ее не из чего-либо, а из ничего. А если тебя пугает мысль о новом творении (хотя Господь непрестанно творит новое в Царстве благодати), то можно найти ответ на предложенный вопрос и другим образом. Та же, например, священная книга Бытие показывает нам, что Авель приносил уже Богу жертву от

первородных и от тука их. Кто, скажи, научил его искать и найти жертву Богу в заклании и смерти животных? Всего вероятнее, пример отца, Адама. А он откуда взял такую мысль необыкновенную?.. Сам дошел до нее?.. Каким образом?.. Здравый разум и тогда уже не мог не внушать того, что изречено впоследствии о подобных жертвах апостолом: *невозможно бо, то есть, крови юнчей и козлей отпущати грехи (Евр. 10:4)*. И как, скажи, можно было осмелиться принести в жертву Богу жизнь существа, Им созданного? Сделав это самовольно, скорее можно было опасаться за это гнева Божия, нежели благоволения. поелику же сыны Адама приносят уже в жертву животных и делают это, как должно думать, потому, что сам Адам делал то же, сам же он не мог начать делать сего от себя и произвольно, то остается положить, что принесение в жертву животных внушено прародителям нашим Самим Богом. Для чего внушено? Господь Сам не мог иметь в этом никакой нужды; значит, это нужно было для Адама. Для чего? Для того же, конечно, для чего введены впоследствии жертвы в целом народе Израильском, дабы, то есть, – как разъяснил нам это апостол Павел в Послании к Евреям, – они служили преобразованием той великой Жертвы крестной, Коею имел быть на Голгофе искуплен весь мир и заглажены все грехи.

Когда произошло это Божественное научение Адама жертвоприношениям? Не погрешим, кажется, если скажем, что теперь же, по окончании суда над ним, ибо после не видно уже, чтобы Господь являлся ему когда-либо. В смерти приносимого в жертву животного прародители наши тот же час могли видеть и свою будущую смерть и свое будущее искупление страданиями и смертью за всех нас Искупителя мира. И вот вещество для соделания риз Адаму и жене его: кожи, то есть, жертвенных животных! Посему-то, может быть, и после, когда дан Израильтянам закон о жертвоприношениях, кожа от закланного животного не сжигалась вместе с жертвой, а была предоставлена законом жрецу. Если Моисей не говорит теперь обо всем этом, то, конечно, потому, что вообще о происшедшем в Едеме говорится у него весьма мало, одно необходимое; а еще более потому, что, начав речь о первом жертвоприношении в Едеме и его таинственном значении, надлежало уже вместе с тем коснуться и многих других истин и тайн Божиих; а это значило бы приподнять завесу, сокрывавшую до времени Святое святых, за которую входил один первосвященник, то есть только немногие избранные.

Но возвратимся к нашей бедной и вместе богатой и драгоценной одежде: бедной, – ибо она заменила собой благодать Божию и невинность,

нас облакавшие; богатой, – ибо она вышла из рук Самого Творца и Господа нашего; бедной, ибо она составлена из смерти существ живых; богатой, – ибо она выражала собой будущие заслуги для нас нашего Искупителя. Приметьте, братие, силу и нежность самого выражения: *сотвори... Адаму и жене его ризы кожаны*. Можно бы сделать ризу одному Адаму и сказать: вот так сделай и жене! Но Господь творит одеяние для обоих. Далее сказано: *и облече их*, то есть не только Сам сделал одежду, но и Сам возложил на них, подобно тому как мать, сделав платье своему дитяти, сама надевает на него, показывая, как ходить в нем и как носить его.

Не будем же забывать сего, возлюбленные! Перестанем смотреть легкомысленно на одежду нашу: она есть сугубый памятник и нашего греха пред Богом и милосердия Божия к нам, грешникам. Как знамение нашего падшего состояния, одежду, из чего бы ни состояла она и как бы ни была богата, всегда должно носить со смирением, а не превозноситься ею, как это делают безрассудно некоторые. А как дар любви Божией, одежда должна располагать нас к благодарности Богу. И чем же, спросишь, могу я возблагодарить Бога за нее? Тем, возлюбленный, если ты, в благодарность, сам не откажешься сделать одежду для Бога. Как это? А вот как: если оденешь бедного и нагого собрата твоего. Ибо слышишь ли, что говорит Сам Господь в Евангелии? *Понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25:40)*. Видишь, на Кого переходит одежда, сделанная нищему?

Вспомним и подумаем при сем случае и еще об одном одеянии. Прародители наши, получив ризы из рук Божиих, без сомнения, не столько носили их потом, сколько берегли, как драгоценность и святыню. И у нас есть одежда, полученная из рук Божиих: это оное драгоценное одеяние, в которое облекла нас при Крещении Святая Церковь. Для составления сего одеяния также необходима была смерть – не животного какого-либо бессловесного, а смерть Сына Божия, Спасителя нашего. Ибо мы облечены в Крещении заслугами Его, облечены, можно сказать, в самую крестную смерть Его, за нас претерпенную. Ибо, *елицы во Христа крестистесь*, – говорит апостол и поет Святая Церковь, – *во Христа облекостесь (Гал. 3:27)*. И в другом месте говорится: *елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся; спогребохомся убо Ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых... тако и мы во обновлении жизни ходити начнем (Рим. 6:3–4)*. Вот наша одежда! Видите, как она чиста и свята! Как великолепна и божественна! Как вождедена и вместе страшна! Ибо малая ли вещь облечься в смерть Сына Божия?..

Будем же, братие мои, памятовать все это и вести себя, как прилично людям, облеченным во Христа. Оставим суетное попечение об украшении нашей внешности, которое у многих из нас выходит из всяких пределов и поглощает собой все время. Ах, не до нарядов и украшений, не до изящных, так называемых вкусов и последних мод тем, кои лишены образа Божия, изгнаны из рая сладости, поселены на земле проклятия, осуждены на то, чтобы возвратиться в землю, от неяже взяты, и на краткое время токмо остаются между жизнью и смертью, небом и адом. Благодарение любви вечной, что по падении нашем могли мы удержаться – до времени – хотя на сей зыбкой и опасной середине! Доколе мы не восхищены еще от среды живых, дотоле все может быть исправлено: можем, если захотим, возвратить рай потерянный, и получить еще большее, то есть Царствие Небесное и сожитие со Христом и Ангелами. Но долго ли продлится для нас сия драгоценная возможность? Завтра, послезавтра явится смерть, и позовет нас, подобно прародителям нашим, пред Страшный Суд Божий. Что речем на Суде сем, если явимся без той одежды невинности, в которую Господь Сам облек нас при Крещении? Не будем же тратить драгоценного времени напрасно; употребим все, даже претерпим все, только бы изыти путем веры и покаяния из той бездны, в которую низринул нас грех, прежде нежели она заключится над нами навеки. Аминь.

Беседа в пяток 6-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:22–24

И рече Бог: се, Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое: и ныне да не когда прострет руку свою и возмет от древа жизни... и жив будет во веки. И изгна его Господь Бог из рая сладости делати землю, от неяже взят бысть. И изрину Адама, и всели его прямо рая сладости (Быт. 3:22–24).

После Божественного приговора над прародителями нашими, подлежало еще решению – где жить им? Оставаться ли по-прежнему в Едеме, или быть переселенными в другое место? Премудрость Божия предсудила (предпочла) последнее. В самом деле, человеку, по падении его, уже не в пользу было бессмертие, а надлежало возвратиться в землю, от неяже взят бысть; это, как мы видели, составляло и наказание за грех, и вместе врачевство от ожесточения во грехе, такое врачевство, которого не могло заменить для нас ничто. Но в Едеме, и по падении человека, оставалось древо жизни: вкушение от плодов его могло и грешника предохранить от смерти телесной. Между тем, кто самовольно дерзнул на вкушение от плодов древа запрещенного, от того трудно было ожидать, чтобы он не покусился на вкушение от плодов древа животного. После сего оставалось одно из двух: или уничтожить древо жизни, или переселить человека из рая. Последнее было естественнее уже потому, что Едем весь был приспособлен к обитанию в нем человека невинного и, следовательно, сделался неспособен для жительства в нем человека-грешника, который отселе должен был жить не плодами с древ райских, а доставать себе пропитание в поте лица, из земли, трудами рук своих, и по тому самому обитать уже вне рая.

Все сии мысли находятся, братие мои, в словах Моисея, вами слышанных; только они изображены у него не просто, а в виде некоего чрезвычайного совета, который держит Творец с Самим Собою. *И рече Бог: се, Адам бысть, яко един от Нас!* Дважды токмо встречается такое самособеседование Божие в повествовании о прародителях наших: в первый раз перед их произведением на свет, где Господь говорит: *сотворим человека по образу Нашему (Быт. 1:26)*; в другой раз здесь, перед изгнанием их из рая. Так занимались не только судьбой, самим местопребыванием нашим, дабы мы знали, что если с нами сделано что-либо, то сделано не по мщению какому-либо и в гневе, а, так сказать, с полным рассуждением, и не по другой какой причине, а для нашего же

блага.

И рече Бог: се, Адам бысть, яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое. Явно, что речь Божия обращена здесь к какому-то лицу, или точнее, лицам. Каким?.. Не к Ангелам ли?.. Но Господь говорит: *яко един от Нас*, что несказанно выше всякого Ангела. Притом слова сии из уст Божиих имеют видимое отношение к тому обещанию, коим искуситель обольстил праматерь нашу, говоря: *будете яко Бози (Быт. 3:5)*. Простирая руку к плоду запрещенному, Ева думала сделаться через то подобной не Ангелам, а Самому Богу. После сего не остается уже никакого сомнения, что вышесказанные слова обращены не к Ангелам, а к Лицам Божественным и единосущным; то есть Бог Отец говорит сие к Богу Сыну и Богу Духу Святому. Что же говорится о нас в сем великом совете?.. Говорится нечто, как бы в укоризну нам; но поелику эта укоризна исходит из уст любви Божией, то и составляет не столько явную укоризну, сколько тайное сожаление о нас. *Се, Адам бысть, яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое.* Адам, как бы так говорил Господь, сделал, со своей стороны, все для достижения того, что присоветовал змий; он знает теперь доброе и лукавое, уподобился Богу! То есть, другими словами, Адам так уклонился теперь от своего предназначения, так расстроился во всем существе своем, сделался так несчастен, что о нем надобно подумать снова столько же, сколько думано прежде, когда он получал бытие из рук наших. Что же с ним теперь делать? Если предоставить ему самому определить дальнейшую свою судьбу до смерти, то он, неразумный, предпочтет, по легкомыслию, остаться жить в Едеме, воображая, что тут ему лучше; а оставшись в раю, он, без сомнения, не удержится от вкушения плодов с древа жизни, что было бы теперь крайне вредно для него, ибо это самое воспрепятствует Нашему благодетельному распоряжению о нем – возвратиться ему, на время, в землю, *от неяже взят*. Посему – *и ныне да не когда прострет руку свою и возмет от древа жизни... и жив будет во век*, – надобно назначить ему другое место жительства, где не было бы древа жизни, для него теперь вредного, и где скорее встретили бы его труд и печаль, для него теперь необходимые: *и изгна... Господь Бог Адама из рая сладости делати землю, от неяже взят бысть. И изрину Адама.*

Последнее выражение: *и изрину*, – подает мысль, что удаление прародителей из рая соединено было с некоторым принуждением, а посему заставляет предполагать с их стороны усилие – остаться там, где были. И можно ли было скоро и с охотой оставить рай, чтобы пойти вон, на землю, уже проклятую, в ожидании от пота и трудов над ней – терния и

волццев? Но, без сомнения, это усилие – не расставаться с местом своего первобытного жительство – состояло не в чем другом, как в молитве и слезах, как это бывает с детьми, когда их хотят удалить навсегда от какого-либо любимого места. В таком случае потребно бывает некоторое усилие руки отца или матери. То же последовало и теперь: невидимая сила заставила прародителей идти, куда повелено: *и изрину Адама.*

И всели его прямо рая сладости. Судя по той цели, для коей прародители удалены из рая, можно было ожидать, что для нового жительство их избрано будет место, совершенно удаленное от Едема, дабы не было перед глазами искушения – пожелать паки возвратиться в него. Но премудрость Божия поступает противным образом – вселяет Адама не вдали, а *прямо рая*, дабы он всегда имел его перед глазами своими. Для чего это? Для того, конечно, чтобы вид потерянного Едема непрестанно напоминал человеку о том, чего он лишился, и располагал его к покаянию. Это полезно было даже не для одного Адама и Евы, а и для потомков их, кои, без сомнения, не вдруг разлучились со своими прародителями, а долго жили с ними вместе – *прямо рая*. Таким образом, в их памяти и уме от самого взгляда на Едем утверждалось сказание Адама и Евы о первобытном блаженном состоянии человечества, о преступлении заповеди, о змие-искусителе, о суде Божиим и наказании за грех. Все это должно было располагать потомков Адамовых к чувствам покаяния и веры в обетование Божие о победе над змием. И сему-то, конечно, должно приписать, что предания о первобытном невинном состоянии человека и его падении до того распространились и утвердились во всем роде человеческом, что, несмотря на столько веков, на истребление первого мира потопом, на рассеяние по столпотворении Вавилонском людей по всему лицу земли, доселе, хотя неясно, слышатся в священных верованиях всех народов.

Будем, братие мои, и мы чаще ставить себя в мыслях *прямо рая*; будем вспоминать то, что случилось с нами в Едеме: как мы преступили заповедь, как лишились образа Божия, как облеклись сначала листвием смоковничным, а потом ризами кожаными, как осуждены в поте лица снискивать хлеб свой и возвратиться в землю, от неяже взяты. Это будет стократ полезнее для нас, нежели перебирать и вращать в памяти пышные прозвания и титулы своих предков, отличия и права, ими для нас приобретенные. Ах, что значит все нынешнее, так называемое благородство человеческое перед тем, что мы все были и чем обладали некогда! Если бы мы устояли в невинности Едемской, то все наслаждались бы ныне таким совершенством, которое в настоящем бедственном

состоянии нашем трудно и представить. Ибо не напрасно злобный враг наш позавидовал нам: великим обладали мы, и еще к стократ большему были предназначены! Теперь все это ниспровергнуто, попрано, рассеяно, изглажено. Но и теперь есть средство все исправить, все паки приобрести, взойти на прежнюю высоту Богоподобия и блаженства. Второй Адам, Божественный Искупитель наш, для того и пришел с небес на землю, для того и воспринял на Себя плоть нашу, для того умер и воскрес, дабы восставить все падшее в Адаме первом, возвратить нам права наши, даровать все силы для победы над грехом и диаволом. От нас зависит воспользоваться сим Божественным благодеянием, усвоить себе наше искупление – употреблением в дело тех спасительных средств, кои нам доставлены. А для того, чтобы уметь оценить их как должно, чтобы научиться дорожить ими для своего спасения и немедленно начать употреблять во благо свое, нужно чаще всем нам вспоминать наше первобытное состояние и потерянное блаженство. Будем же, говорю, ставить себя в мыслях *прямо рая* и, взирая мысленно на Едем, сравнивать нынешнее наше бедственное состояние с первобытным, сравнивая, обращаться к Искупителю нашему за средствами возвратить потерянное, и блюстись от новых грехопадений. Аминь.

Беседа в Великий Понедельник. На слова: *И пристави Господь Бог Херувима, и пламенное оружие обращаемое, хранити путь древа жизни (Быт. 3:24)*

Как прилежно бережет нас любовь Божия! Подлинно, недаром сказано: «Аще мать забудет отроча свое, Аз не забуду тебе!» (ср. Ис. 49:15). Мы видели, как в настоящем состоянии нашем опасно было для нас вкушение от плодов древа жизни. Но, сами по себе, не скоро уразумели бы мы эту опасность; сто раз могли бы покуситься на вкушение от плодов его, кои для нас столько же были неблагоприятны теперь по своим последствиям, сколько прежде, в состоянии невинности, были пагубны нам плоды запрещенного древа. И вот, любовь Божия ставит стража на пути к древу жизни, такого стража, который уже самым видом своим наводил трепет и уничтожал всякое покушение подойти к сему древу. *И пристави Господь Бог Херувима, и пламенное оружие обращаемое, хранити путь древа жизни.*

Пристави Херувима. Так грех изменил служение самых Херувимов и Серафимов! Тем ли бы надлежало заниматься сим существам премирным? Их дело было стоять у престола Божия, наслаждаться лицезрением Пресвятыя Троицы, гласить непрестанно славу Вседержителя. Когда бы даже нисходили они в дольний мир наш, то нисходили бы всегда вестниками новой радости и нового блаженства; обращались бы с человеками, яко с братьями единого Небесного Отца, яко с друзьями и наперсниками своими. Но пришел грех, поставил человека во враждебное отношение к его Творцу и миру горнему; и духам чистым, при всем их сожалении о нас, не оставалось ничего более, как стать противу того, кто соделался врагом Божиим, – начал разрушать темные дела его, разить его гордость и неповиновение. И вот причина, почему Ангелы Божии, сии существа святые и любвеобильные, будут являться иногда на земле, как свидетельствует священная история, облеченными мраком и бурей, – даже с мечом, поражающим смертью тех, коим лучше было умереть, нежели продолжать жить во грехах. Так Ангел поразит смертью первенцев Египетских, – да не будут наследниками злобы своих отцов; так Ангел же поразит в единую ночь целые легионы воинов Ассирийских, – да падут лучше от меча Ангельского, нежели исполнят злую волю своего безумного владыки. Но возвратимся к Едему.

И пристави Господь Бог Херувима, и пламенное оружие обращаемое,

хранити путь древа жизни.

Особенно ли приставлен Херувим, и особенно ли пламенное оружие обращаемое? Можно представлять Херувима и оружие отдельно, но лучше – вместе. Ибо как бы обращалось оружие само, без руки его обращающей? И кому было ближе обращать его, как не Херувиму, стоявшему на страже? Воину необходимо нужно оружие, а оружию воин; но, по свойству священного языка, нередко представляется отдельно то, что на самом деле соединено вместе.

Если спросишь далее, что это за пламенное оружие обращаемое? – то мы скажем в ответ, что у Херувима и оружие не наше, а Херувимское. Слово Божие самых Ангелов описывает иногда как существ, похожих на чистейший и невещественный огонь. *Творяй*, – сказано, – *слуги Своя огонь палящ* (Евр. 1:7). Сообразно сему и у Херувима оружие было теперь похоже на пламень, то есть казалось таким для Адама и Евы. Обращаемым же называется оно, конечно, потому, что не оставалось недвижимым в руках стража небесного, тем паче не лежало праздно, как это бывает с человеческим оружием, а всегда было в действии, вместе с Херувимом являясь, смотря по нужде, то на той, то на другой стороне Едема, и наводя собой страх на тех, коим приходила мысль – проникнуть в Едем.

И Херувим и оружие поставлены были, впрочем, токмо хранить *путь древа жизни*, а не возбранять благоговейное приближение к Едему, близость коего к первым людям входила, вероятно, как мы видели, в план самой премудрости Божией. Посему нет ничего противного в той мысли, что пребывание Херувима у врат рая было не без благотворных последствий для прародителей наших и в другом отношении. Лишившись непосредственного общения с Самим Богом, они могли получать от стража райского наставления касательно того, что для них необходимо было в жизни; могли заимствовать утешение среди горестей и печалей; могли особенно быть введены им в тайну обетования о Семени Жены и сокрушении главы зминой. Любопытствующий знать о сем более, да обратится между прочим к церковной летописи святителя Димитрия Ростовского.

Долго ли Херувим с пламенным оружием стоял на своей страже? Стоял, без сомнения, пока было нужно; а нужно было дотол, пока рай не потерял древа жизни, или пока человек не оставил совершенно желания вкушать от плодов его. Скоро ли могло быть то и другое? Мне кажется, скорее первое, нежели последнее. Ибо хотя бы Адам и Ева скоро возросли до разумения, что не в древе жизни, еже посреде рая, должно искать им теперь врачевства от бедствий, их угнетающих, а в обетованном Семени

Жены и собственном покаянии; но от сынов и дочерей Адамовых не вдруг можно было ожидать подобного разумения. Такому человеку, например, как Каин, трудно было не покуситься на плоды от древа жизни; а *путь Каинов* (Иуд. 1:11) никогда и после не оставался праздным. Посему должно думать, что стража Едема кончилась вместе с Едемом, или, по крайней мере, с древом жизни. Скоро ли это последовало? Гораздо скорее, может быть, нежели как представляется с первого взгляда. Лепота Едема была следствием не сил природы естественных, а особенного и непосредственного устройства Божия. *И насади*, – сказано, – *Господь Бог рай... на востоках* (Быт. 2:8), то есть употребил на то особенное действие Своей силы творческой. Какой силой насажден Едем, той же, без сомнения, и держался в благолепии своем, доколе был нужен для человека; а когда перестал быть нужен, то особенное благословение, коим он держался, было отнято. Без сего, подпав общим законам земной природы, рай еще скорее должен был потерять совершенство и истребиться, нежели какой-либо другой сад, возросший по законам нынешней природы. Как бы, впрочем, ни было, только священный бытописатель, излагая последующую историю рода человеческого, ни разу не упоминает уже потом ни об Едеме, ни о древе жизни, ни о Херувиме с пламенным оружием. Потопом, без сомнения, изгладились и последние следы первобытного блаженного жилища человеческого. Как велико и разрушительно было действие потопа именно над тем местом, в коем находился рай, можем заключить из того, что вместо четырех рек, указанных Моисеем и бравших начало свое из одного и того же начала в Едеме, остались теперь только две: Тигр и Евфрат, но и их истоки уже значительно удалены друг от друга. Посему искать следов рая на земле, как делали и, может быть, делают еще некоторые, предпринимая для сего долгие и трудные путешествия, есть дело хотя доброго чувства, но разумения невеликого.

Не на этой земле наш рай теперь, а на той, будущей, совершенной, которая явится, вместе с новым небом, когда нынешняя земля и нынешнее небо сгорят и претворятся совершенно. Тогда явится паки и древо жизни, и явится уже без Херувима с пламенным оружием. *Посреде стогны его*, то есть града Божия, – так пишет тайновидец Иоанн, – *и по обаполь реки древо животное, еже творит плодов дванадцатье, на кийждо месяц воздая плод свой: и листовие древа во изцеление языком* (Откр. 22:2).

Но от сего древа жизни вкусим, если удостоимся обитать в Едеме небесном. Теперь, в стране пришельствия (пребывания), для нас древо жизни – на Голгофе. Это Крест Христов, приносящий нам плоды не по числу месяцев, а каждый день и каждую минуту, так что мы можем

вкушать их, когда захотим. Я разумею Тело и Кровь Христову, *от нихже ядый... жив будет (Ин. 6:58) и не умрет во веки (Ин. 11:26)*, то есть тою смертью вечною, коея смерть телесная есть одно слабое изображение, и которая одна только и есть истинная смерть для нас.

И смотрите, что теперь делают Херувимы и Серафимы! Не стоят уже на страже с пламенным оружием у врат Едема, как прежде, а с нами же, во время совершения Тайн Божественных, невидимо служат Царю славы, как воспевают Церковь. Так все паки умиротворено Крестом Спасителя нашего! Так тесно воссоединено то, что, казалось, навеки разделено было грехом и диаволом! Остается убо всем нам точию пользоваться помощью свыше, – идти, куда ведут нас Ангелы Хранители; и мы все паки приидем к древу жизни. Аминь.

Беседа в Великий Вторник. На слова: *И быша вси дние Адамовы... лет девять сот и тридесять: и умре* (Быт. 5:5)

Так долго продолжалась еще жизнь праотца нашего, уже изгнанного из рая сладости, уже удаленного от древа жизни, уже осужденного возвратиться в землю, *от неяже взять бысть!* Новое и очевидное доказательство того, что если бы мы не согрешили, то не подлежали бы смерти и тлению.

Но что же бы тогда было с родом человеческим?.. Увы, мы все так сдружились со смертью, что не можем и представить себе, что было бы без нее! Было бы то, что род человеческий, невинный и святой, расселился бы по лицу всей земли, и она вместе с тем вся обратилась бы в рай сладости; было бы то (позволим себе скромное гадание), что по прошествии известного времени, роды и поколения людей, подобно Еноху и Илии, не вкусив смерти, преставлялись бы в другие светлые миры, коих такое множество над главами нашими, и кои, может быть, теперь до времени и праздны, потому именно, что не являются те, в жительство коим они предназначены. Но во всяком случае не верьте, братие мои, тем праздным говорунам, кои с важным видом утверждают, что если бы смерть не упраздняла мест для новых жильцов, то потомкам Адамовым негде было бы жить. Те, кои вникли в сей предмет не поверхностно, не для того токмо, чтобы при случае сказать два-три красных слова, давно уже вычислили и показали, что шар земной и в наше время еще представлял бы много свободного места для жительства потомков Адамовых, если бы каждый из них оставался в живых и доселе. Причем не надобно забывать, что человек невинный, в первобытном состоянии своей души и тела, а равно и всей внешней природы, не имел бы нужды в одежде и крове, ни в нынешних пособиях к своему пропитанию; и следовательно, требовал бы для своего существования на земле гораздо менее пространства, нежели какое сделалось для него необходимым ныне.

Если бы кто спросил за сим, откуда произошло такое долголетие Адама, равно как и последующих патриархов, таковому ответствуем, что причиной сего долголетия был, во-первых, остаток первобытной жизни и силы, кои в самой высшей степени сосредоточены были в человеке, яко владыке всего одушевленного и неодушевленного; во-вторых, от особенного состояния окружающей человека природы, которая вначале

также сохраняла в себе более жизненных сил для питания и поддержания жизни человеческой. Вместе с сим должно сказать, что доколе люди не размножились на земле, само провидение Божие особенно пеклось о продолжении жизни человеческой, устраняя от них разрушительное действие стихий.

Но обратимся к прародителям нашим, и спросим, над чем проведена жизнь их, столь долговременная? Судя по нынешнему, в такое продолжительное время сколько можно бы наделать разных дел, открыть законов природы, изобрести и усовершенствовать искусств, основать городов и селений, проложить путей и взаимных сообщений, придумать разных удобств к жизни? Но об Адаме ничего подобного не говорится. И чтобы мы не подумали, что это одно молчание священного бытописателя о предметах, его не занимавших, между тем как на самом деле Адамом было сделано многое в гражданском и житейском отношении, Моисей определенно указывает впоследствии на начало всех важнейших изобретений, называя по имени виновника каждого. Так, о Каине сказано, что он *бе зиждйй град* (Быт. 4:17); следовательно, отец Каинов, Адам, не созидал городов, а жил в кущи. Так, Иавалу приписывается умножение и усовершенствование средств и удобств жизни пастушеской (Быт. 4:20); следовательно, Адам не заботился много о сем удобстве. Так, Фовел назван *ковачь меди и железа* (Быт. 4:22); следовательно, Адам не расторгал недр земных для извлечения из них металлов. О Иувале говорится, что *сей бяше показавши цевницу и гусли* (Быт. 4:21); следовательно, Адам не думал о том, чтобы забавлять себя и потомков своих бряцанием на струнах и органах.

Что значит сия, по-нашему, как бы недеятельность первого прародителя нашего? То ли, что в нем не было способности на подобные изобретения, и что силы ума человеческого развились для сего уже после, в потомках его? Но в том, кто был создан по образу Божию, без сомнения, более находилось способности на все истинно благое, нежели в тех, кои произошли уже от него, можно сказать, не столько по образу Божию, сколько по виду самого Адама, падшего и обезображенного грехом. Одно наречение Адамом имен всем животным, по одному взгляду на них, показывает уже, как он выше нас стоял по прозрению в самое существо вещей. Тем паче стало бы умения у него построить в лучшем виде или свои кущи, или какой-либо приют для бессловесных; тем более достало бы искусства выстрогать цевницу или устроить гусли. Но Адам не занимается ничем подобным. Почему? Потому, что весь был занят другим, высшим и лучшим, тем, то есть, чтобы путем покаяния войти паки в рай, от негоже

изгнан бысть, и где паки не нужен будет ни город Каинов, ни медь и железо Фовеловы, ни цевница с гуслиями Иуваловыми.

Такой взгляд на жизнь и все земное перешел от Адама и к прочим патриархам. Будучи родоначальниками племен, пользуясь величайшим уважением своих многочисленных потомков, они скорее всех последующих завоевателей и владык могли бы сделаться повелителями стран и народов, окружить себя всеми удобствами жизни, поставить для себя чертоги и престолы; но они все ведут жизнь самую простую и странническую; не имеют ни постоянного крова, ни даже собственной земли; Авраам, например, столь могуществен, что мог победить пять царей и освободить из плена у них племянника своего Лота, а сам приобретает покупкой пещеру даже для своего погребения. Почему так? Что заставляло их вести жизнь, по-нашему, столь странную? То, что они, как замечает апостол, взирали на себя яко на странников и пришельцев на земле, устремляли взор в будущее, ожидая *града, емуже художник и содетель Бог (Евр. 11:10)*.

Племя Каиново не захотело подражать примеру своего святого прародителя и пошло другим путем; предалось удобствам жизни, начало делать одно за другим изобретения, извлекло из недр земных металлы окружило себя золотом и серебром, настроило домов и чертогов, наделало цевниц и гуслей. Но что, наконец, вышло из всего этого? Слишком предавшись телом и душой земному, скоро забыли небесное; за удобством жизни тотчас вошла роскошь; за ней вторглись чувственность и страсти; все это подавило веру и совесть; пороки не стали находить себе никакой преграды: беззакония и злодеяния осквернили всю землю; наконец, всеобщий разврат дошел до того, что вся земля, по выражению Бытописателя, *бе растленна (Быт. 6:12)*; человек весь стал плотью и погрузился в чувственность и нечистоту до того, что в нём не мог уже обитать Дух Божий, тот Дух, без Коего нет истинной жизни ни в ком и ни в чем. Что же далее?.. Обыкновенных наказаний к исправлению нравов и обузданию нечестия не достало не только на земле, но и на небе. Потребовались меры чрезвычайные: и вот разверзлись хляби небесные и источники бездны; пришел потоп и смыл с лица земли златошвенные кущи, медь и цевницу, вместе с кующими и поющими. А святое семейство Ноево, в коем обитали простота и чистота нравов, которое, не отличаясь изобретениями и искусствами, верно следовало смиренному образу жизни Адама и Сифа, пребыло невредимым среди всеобщего истребления, спаслось от вод потопных в ковчеге и, по прошествии гнева Божия и казни, соделалось рассадником для нового рода человеческого.

Что должно заключить из сих столь противоположных примеров? Что нам не позволительно пещись о своей телесной жизни, открывать, умножать и усовершенствовать источники своего, так называемого, земного благоденствия? Нет, это было бы противно намерениям Создателя нашего, Который Сам благоволил подать человеку пример попечения обо всем этом, когда вместо смоковничного препоясания, яко несовершеннейшего, сотворил для него *ризы кожаны*. Не будем по сему неблагодарны к тем собратьям нашим, кои потрудились и трудятся над изобретением и усовершенанием разных вещей, служащих нам в жизни нашей. Но вместе с тем не будем забывать, что нам, кои все на земле только на самое краткое время, безрассудно было бы всю жизнь свою посвятить на убранство временной гостиницы нашей, и не заняться, по крайней мере столько же, приготовлением для себя помещения там, где должно нам пребывать вечно. Прародителю нашему, жившему более девяти столетий, позволительно было бы употребить сто или двести лет на удовлетворение своих житейских нужд и земных пожеланий; ибо еще семьсот лет оставалось для своей души и для Бога; а нам много ли времени можно делить между землей и небом? Самым долговечным (и сколько их?) только несколько десятков лет. При такой краткости нашей жизни совершенное безумие тратить ее, как делают некоторые, на умножение вокруг себя скоро гибнущих игрушек, и не употреблять на приобретение благ вечных.

И поживе Адам лет девять сот и тридесять: и умре (Быт. 5:5). По такой краткости выражения можете судить, братие мои, как Моисей вообще краток в своем повествовании. Смерть первого человека, яко общего прародителя нашего, весьма немаловажна для всех нас. Кто бы ни пожелал услышать хотя несколько слов о том, как Адам оканчивал жизнь свою, что завещавал потомкам своим, то есть всему роду человеческому, каким погребением почтил его весь мир тогдашний. Но у Моисея обо всем этом ни слова. О смерти Евы даже вовсе не упоминается; можем только догадываться, что она предварила супруга своего в окончании земного поприща. Таковы святые писатели! Они говорят одно то, что дано было видеть им от Духа Святаго, посему и не следуют обыкновенным правилам нашего повествования. Возвышенные в звание наставников целого рода человеческого, они не водятся любопытством, а говорят только необходимое для всеобщего наставления. Повествование подробностей о смерти Адама не составляло такой необходимости; потому и нет его в священных книгах. В какой стране кончил жизнь Адам? Не знаем. Где гроб его? Не знаем. Есть древнее и трогательное предание, якобы он

погребен на Голгофе, так что Крест Христов утвержден был над его прахом; и Кровь Спасителя оросила его собой, в знак чего под Крестом и изображается у нас глава человеческая. Но где бы ни был погребен Адам, крест всюду осенил его собой; в смешении с какой бы землей ни находился прах его, Кровь Искупителя мира нашла его и проникла своей Божественною силою. Посему-то, имея в виду веру и покаяние Адамово, Святая Церковь постоянно признавала его первым, по времени, в лике праведников. Таким образом он, имев несчастье подать потомкам своим пример нарушения заповеди Божией, имел счастье соделаться для них и примером покаяния.

Будем, братие мои, подражать сему последнему примеру; и ни грех Адамов, ни даже собственные наши грехи не воспрепятствуют нам удостоиться благодати помилования и войти в рай. Будем также блюсти себя от нечестивого ропота и безрассудного глумления над святыми прародителями нашими, как это бывает, к сожалению, с некоторыми. Что роптать? Если пал избранный из всех, то кто бы устоял на его месте из нас, неизбранных? Аминь.

Слово в Великую Среду. Заключительное

Кончился, братие мои, печальный свиток грехопадения прародителей наших; теперь сами видите, справедливо ли сказано нами вначале, что в нем, как в горьком свитке, свыше показанном некогда пророку, вписано *рыдание и жалость и горе (Иез. 2:10)*. Ах, если есть какие бедствия на земле, если страдает от чего-либо весь род человеческий, то все это берет начало свое из Едема, у корня древа запрещенного! Тут начало греха и страстей наших! Тут исходище нашей смерти и тления! И что со всей нашей мудростью и всеми усилиями могли бы мы сделать для прекращения бедствий наших, если бы предоставлены были самим себе? Кто мог принять на себя ужасную тяжесть грехов и неправд человеческих, чтобы стать между нами и правдой небесной и преложить ее на милость? С другой стороны, кто мог войти и проникнуть в собственное сердце наше, связать преступное самолюбие, сего лютого дракона, в нем гнездящегося, исцелить нас от проказы греховной и обновить дух правый в утробе нашей? Кто мог потом низойти в сердце земли, снять с нее проклятие, освободить ее от работы нетления и извести в свободу чад Божиих?.. Кто, наконец, мог сойти во ад, к душам толиких миллионов братьев наших, уснувших уже сном смерти, озарить их светом жизни и радости, и указать им путь на небо?.. Все это совершенно превышало силы не только наши, но и всех существ сотворенных.

Возблагодарим убо, братие мои, любовь Божию, которая не оставила нас, падших, не презрела нечистых и прокаженных грехом, не забыла умерших и близ ада сущих. Явился второй Адам, *Господь с небесе (1Кор. 15:47)*, Который смертью и Крестом Своим восставил все, падшее во Адаме первом. С завтрашнего дня откроется перед нами дивное зрелище Его Божественных страданий, коими уврачевано наше падение Едемское, и мы, при содействии благодати Господней, постараемся вникнуть вместе с вами в сие чудо любви и беспримерного промысления Божия о нас, недостойных. Теперь же, чтобы в настоящий день не остаться нам без преломления хлеба духовного и пищи для сердца, соберем останки от прошедших духовных трапез наших. От преломления пяти хлебов, как повествуется в Евангелии, собрано было дванадцать кошниц, а для нас, недостойных, довольно будет, если мы и от дванадесятикратного собеседования соберем хотя единую кошницу на нынешний день, дабы слабое благовестие слова нашего соответствовало величию Святого поста, если ничем другим, то числом дней и пространством времени.

Итак, что у нас, христиан, называется падением Адамовым?.. Так называется тот злополучный поступок прародителей наших в раю, когда они, вопреки ясной заповеди Божией, вкусили, по внушению змия, от плода запрещенного и таким образом разорвали святой и блаженный союз с Творцом и Благодетелем своим.

В чем состояла важность сего преступления и сущность падения Адамова? В том, что слабая тварь восстала против всемогущего Творца, что человек, по неразумию своему, отделил волю свою от воли Божией, пошел против премудрых Его намерений, покусился на совершенство, ему не принадлежащее и для него невозможное, и вступил в союз со врагом Божиим, который сам, потеряв небо, злоумыслил заградить его и для человека, к нему предназначенного.

Что было следствием падения Адамова?.. Смерть, как предсказал Сам Господь, и притом во всех ее видах: то есть смерть духа, оставленного Духом Божиим, переставшего быть едино с Господом; смерть ума, закрывшегося для созерцания истин мира духовного и открывшегося для всякого рода лжи и обаяний; смерть воли, потерявшей силу стремиться к добру и ощутившей всегдашнюю склонность ко злу; смерть сердца, обесчувствовавшегося для чистых наслаждений духовных и начавшего двигаться единственно по бурному дыханию страстей; наконец, смерть тела, подпавшего разрушительному влиянию стихий, сделавшегося добычей болезней и тления.

Чем выражается падение Адамово в каждом из нас? Тем, что мы являемся на свет сей не в том виде, в каком прародители наши вышли из рук Божиих; зачинаемся, как говорит святой Давид, во грехах и рождаемся в беззакониях, а рожденные таким образом не имеем уже тех совершенств, коими обладали прародители наши в состоянии невинности, и подлежим множеству душевных и телесных скверн, кои по необходимости соделывают нас предметом отвращения и гнева Божия, так что если мы не возвратим первобытной чистоты и останемся с настоящей порчей, то, боледуя и страдая в настоящем, не можем ожидать лучшего жребия и в будущем. Это самое называется в учении христианском грехом прирожденным.

Есть ли какое-либо врачевство против заразы Едемской?.. Есть – в Кресте Христовом. Иисус Христос, яко второй Адам и новый духовный Родоначальник и Глава человечества, принес нам с неба правду, жизнь и нетление. Соединяясь с Ним верой и любовью через Святые Таинства Церкви, подобно как соединены мы с Адамом плотью и кровью, мы избавляемся от греха и проклятия за него, соделываемся чистыми и

святыми, способными паки к жизни в Боге, к владычеству над самими собой и над всем дольным.

Таково, братие мои, учение слова Божия о падении прародителей наших, а в лице их и всего рода человеческого! Учение столь же глубокое, сколько простое и ясное, – удаленное, конечно, во всей полноте его, от опыта, и между тем одно токмо могущее изъяснить, что каждый испытывает в своей жизни.

Хотите ли знать, к чему сие учение может и должно служить нам?.. Внемлите.

Учение о падении Адамовом, – и только оно одно, – достаточно проясняет нам тайну злополучного состояния нашего на земле.

Кто из способных к размышлению, при взгляде на человека и его состояние на земле, не погружался в глубокое недоумение и скорбь? Ибо что представляет из себя земное бытие наше? Представляет сочетание противоречий, самых странных и жалких, – крайнего величия с крайним унижением, немало добра с великим злом, явной способности всех и каждого к блаженству с непрестанными лишениями и слезами. С одной стороны, человек есть существо Богоподобное, природный владыка и повелитель земли, видимый наперсник неба, наследник вечности. С другой, – это сын, как бы забытый своим отцом и не помнящий своего происхождения; это царь, лишенный престола, преследуемый и мучимый своими подданными и, что стократ хуже сего, – это изменник совести и закону, игралище страстей самых низких и преступных, это как бы некий дух падший и отверженный! Откуда сия ужасная противоположность? Не зная истинного ее источника, невольно можно подумать, как и думали многие, что в мире два совечных начала: доброе и злое, что человек есть произведение обоих начал, доброго – в том, что есть в нем доброго; злого – в том, что есть в нем злого; что особенно тело человеческое, яко гнездилище страстей, есть непосредственное произведение начала злого. От такого неправильного взгляда на природу человеческую сколько других заблуждений! Сколько самых нелепых правил в жизни! Сколько кровавых обрядов! Одни, вследствие превратного понятия о природе человеческой, простирались в строгости жизни едва не до самоубийства; другие, почитая все поступки наши безразличными, уничтожали всякую добродетель и позволяли человеку все.

Христианин, с ясным понятием о грехопадении Едемском, свободен от всех сих заблуждений и крайностей. Ибо знает, откуда грех и зло в мире; знает, почему и за что страдает человек; ведает, что и грех и страдание человека есть следствие не природы его и не дело Творца ее, а

произведение собственных рук человеческих, плод злоупотребления нашей свободой. Всеобщий опыт вполне подтверждает для нас все это; ибо злоупотребление свободой или, точнее сказать, слабым остатком ее и ныне всегда сопровождается горестным последствием для человека; между тем как употребление ее разумное и благое, если не прекращает совершенно бедствий наших, то видимо и ощутительно сокращает число их. Вместе с сим сам собой теряется и исчезает для нас, несчастный во всяком случае, повод к ропоту на Промысл Божий. Воспомяв о том, что произошло с нами в Едеме, вместо безумной гордости и отчаяния, мы естественно располагаемся и приходим к смирению, терпению, и упованию на благость и помощь Того, Кто может уврачевать все наши язвы.

Во-вторых, учением о падении Адамовом уясняется тайна искупления нашего в Иисусе Христе и Его крестной смерти, за нас подъятой.

Сойти Богу на землю, облечься нашей плотью, претерпеть все виды унижения, взойти на крест и умереть смертью преступника – это такие события, которые могли последовать только ради какой-либо наиважнейшей причины. Для чего же все это, если не было падения наших прародителей, если род человеческий таков, каким вышел из рук Творца? В таком случае напрасны и излишни не токмо крест, самые ясли и пелены Христовы. Ибо все, что прилично и нужно было со стороны Бога сделать в помощь роду человеческому не павшему, могло быть сделано и без явления Бога во плоти, тем паче без страданий и смерти Его на древе крестном. Нужно ли было научить людей? Они могли быть научены через человека. Нужно ли было подать пример добра? Он мог быть подан опять же через человека или Ангела. Но поднять на Себя тяжесть грехов наших, примирить нас с Богом и Своей смертью умертвить нашу смерть, восставить нас из персти и тления, – для сего явно было недостаточно сил существ сотворенных; для сего подобало явиться Тому, Кто и в человеческом образе, яко беспредельный по Своему могуществу и заслугам, *едином бо приношением* мог совершить *во веки освящаемых* (Евр. 10:14), Кто, будучи положен в наследника всем (Евр. 1:2) и всему, имеет посему *ключи* не Едема токмо, но *ада и смерти* (Откр. 1:18). Таким образом, Крест Христов представляется во всем его величии токмо тогда, когда на него смотрят не с Голгофы или из вертограда Иосифова, а из Едема, при виде Херувима, с пламенным оружием стерегущего путь древа жизни. О, как понятно, как драгоценно тогда все, что происходит на Голгофе! Тут видишь, как одна за другой врачуются все язвы, нанесенные нам змием Едемским, как сокрушается, наконец, самая глава его смертью Богочеловека! Ибо в чем сущность уязвления змиинового? В том, что

обольщенный человек, уклонив волю свою от воли Божией, соединил ее с волей врага Божия, и восхищением непщевал (думал) усвоить себе то, что подобает единому Богу. И се, на кресте Сам Богочеловек, в вознаграждение сего покушения и мятежа, из повиновения воле Божией и по чистой любви к людям, страждет, умирает и приносит в жертву Самого Себя! По совершении сего жертвоприношения, не умиравшему токмо на кресте Страдальцу, а небу и земле вместе с Ним подобало воскликнуть: *совершишася!* (Ин. 19:30) Ибо тут все сделано: слава Творца восстановлена; закон удовлетворен; диавол низложен и поруган; человек искуплен; двери в Едем отверсты!..

В-третьих, учением о падении Адамовом определяется самым верным образом правило нашего поведения во все продолжение нашей земной жизни.

Ибо что такое по падении нашем для нас земля? Явно – есть помещение только временное и притом похожее, с одной стороны, на обширный смирительный дом, в коем укрощаются своеволие и буйство, а с другой, – на обширную больницу, где врачуются зараженные проказой и язвами греховными. Кто смотрит таким образом на землю, – а иначе нельзя смотреть на нее от врат потерянного Едема, – тот не будет прилепляться ни к чему земному, перестанет ставить задачей своей жизни стяжание благ тленных, а будет всемерно стараться о том, чтобы как можно более воспользоваться кратким сроком пребывания на земле изгнания для достижения цели своего заключения на ней, то есть употребит все силы, способности и средства к тому, чтобы подавить в себе семя греха и беззакония, восстановить в душе своей образ Божий, исцелить свой ум, свою волю и свою совесть от яда змиинового: от лжи, плотоугодия, злобы и гордости; утвердить себя в повиновении закону Господню, и таким образом сделать себя способным паки войти в рай и соединиться с Богом.

Кто понял свое падшее состояние, тот не будет удивляться, когда Евангелие потребует от него не простого только удаления от пороков и принуждения себя к добродетели, а умерщвления своей воли и самолюбия, распятия плоти, страстей и пожеланий, погубления самой души своей. Ибо наше падение, наша болезнь, наша смерть в том и состояли, что мы, вместо благой воли Божией, предали свою волю – злой и мятежной; на место закона творческого поставили в душе и сердце свое безумное «я»; из области духа ниспали под владычество плоти и крови; забыли невидимое и вечное, и поработились видимому и тленному; соделались врагами сами себе и начали жить такой жизнью, которая, в сравнении с жизнью

истинной, нам подобающей, есть ложь и смерть. Кто понял, говорю, все это, для того сражение с самим собой есть первый и последний долг, а умерщвление в себе ветхого, плотского, греховного человека – первая и последняя победа.

Наконец, учением о падении прародителей наших проясняется для нас, – без того темное и непонятное, – нынешнее состояние природы и вещей, нас окружающих. Ибо и в природе видимой, также как в роде человеческом, богатство, величие, порядок и красота перемешаны всюду со скудостью, беспорядком, безобразием и страданием. С одной стороны, это великолепный чертог царский; с другой, – это печальное помещение для преступников, обширное кладбище для мертвецов. Когда произошла сия неестественная двойственность? Кем возмущен прекрасный порядок тварей? Кто внес в мирное царство природы вражду и смерть? Ответа на сии вопросы нет в природе; нет и у человека, если он не ведает, как вся земля, по падении владыки своего, человека, лишилась благословения Божия; подверглась клятве и, следовательно, потере совершенств первобытных.

Имея в виду все это, переноситесь, братие мои, чаще мыслью вашей к первым временам мира, посещайте в духе рай сладости, становитесь у древа запрещенного, и говорите самим себе: «Вот где произошло злополучное падение! Вот откуда моя нечистота, бедность и смерть!» Выйдя же из Едема, восходите всегда мысленно на Голгофу, становитесь у Креста Христова и говорите: «А вот где совершилось наше восстание! Здесь я искуплен от греха и смерти; здесь возвращен мне рай! Таким образом горький свиток бытия человеческого будет постепенно терять свою горечь от Креста Христова и, омытый слезами покаяния, орошенный Кровью Искупителя, соделается, наконец, подобно свитку Иезекиилеву (Иез. 3:3), *яко мед сладок во устах*. Аминь.

Содержание

Сборник слов и бесед «Падение Адамово» святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический	1
Слово в Неделю сыропустную, огласительное	2
Слово в среду 1-й недели Великого поста. О заповеди в раю	7
Слово в пяток 1-й недели Великого поста. О змие – искусителе	14
Беседа в среду 2-й недели Великого поста (На слова из Быт.3:1–5)	19
Беседа в пяток 2-й недели Великого поста. На слова: И виде жена, яко добро древо в снеть и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети (Быт. 3:6)	27
Беседа в среду 3-й недели Великого поста. На слова: И взявши от плода его (Ева) яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста (Быт. 3:6)	32
Беседа в пяток 3-й недели Великого поста. На слова: И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша: и сшиста листвие смоковное, и сотвориста себе препоясания (Быт. 3:7)	36
Беседа в среду 4-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:8–13	43
Беседа в пяток 4-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:14–15	51
Беседа в среду 5-й недели Великого поста На слова: И жене рече: умножая умножу печали твоя и въздыхания твоя: в болезнех родиши чада, и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (Быт. 3:16)	58
Беседа в пяток 5-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:17–19	65
Слово в субботу 5-й недели Великого поста, или Похвальную. «Солгася древний Адам, и Бог вожделев быти, не бысть: человек бывает Бог, да Бога Адама соделает».	71
Беседа в среду 6-й недели Великого поста. На слова: И сотвори Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаны, и облече их (Быт. 3:21)	76
Беседа в пяток 6-й недели Великого поста. На слова из Бытия 3:22–24	81
Беседа в Великий Понедельник. На слова: И пристави Господь	

Бог Херувима, и пламенное оружие обращаемое, хранити путь древа жизни (Быт. 3:24)	85
Беседа в Великий Вторник. На слова: И быша вси дние Адамовы... лет девять сот и тридесять: и умре (Быт. 5:5)	89
Слово в Великую Среду. Заключительное	94